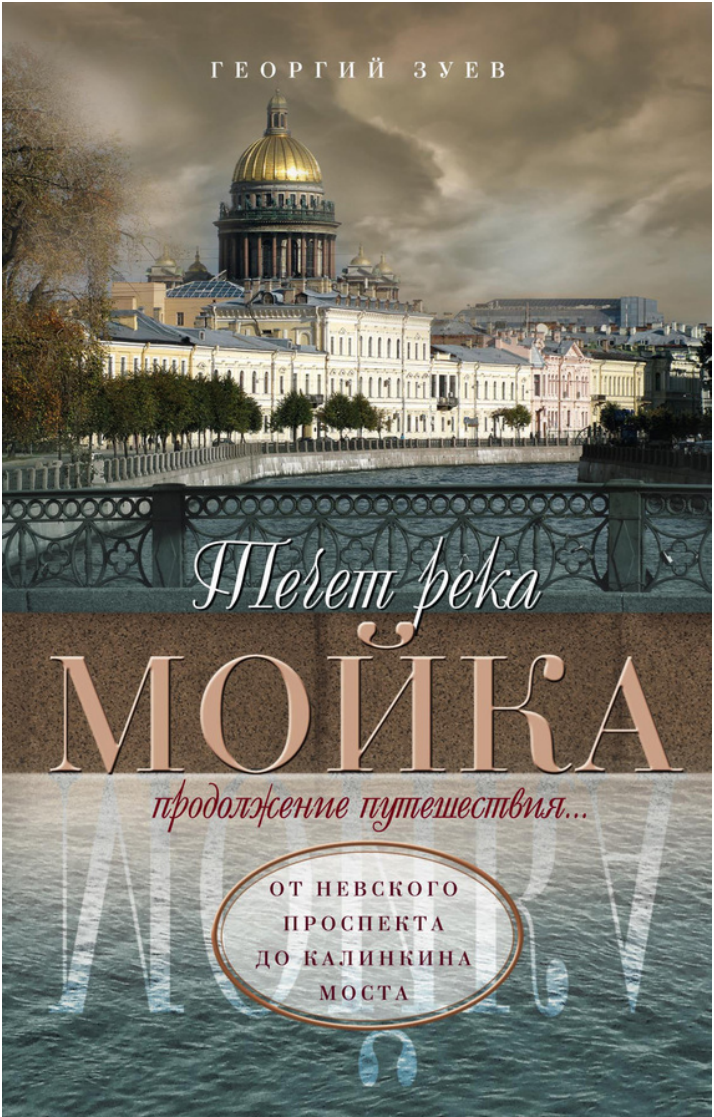

ГЕОРГИЙ ЗУЕВ
Течет река
МОЙКА
продолжение путешествия...
ОТ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА ДО КАЛИНКИНА МОСТА

Георгий Иванович Зуев

Течет река Мойка. Продолжение путешествия… От Невского проспекта до Калинкина моста

Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6279252
Течет река Мойка. Продолжение путешествия… От Невского проспекта до Калинкина моста: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04586-7

Аннотация

Книга – продолжение истории за стройки берегов Мойки. Материалы первого исследования, опубликованные ранее, включали территорию реки от места ее истока до Зеленого моста. Сегодня речь пойдет о застройке левого берега водоема с момента основания Петербурга. Дома, расположенные вниз по течению вдоль левого берега бывшей реки Мьи, возведенные замечательными зодчими России, на отрезке от Зеленого моста до устья старейшего водоема Санкт-Петербурга, помогут напомнить

малоизвестные сведения из необычных биографий их владельцев и строителей, неожиданные «ракурсы» их жизни на Мойке, а иногда и далеко от нее, об имевших место былых драмах и трагедиях… Автор надеется, что знакомство с его новой книгой о Мойке позволит читателям зримо увидеть, как заселялись ее набережные, познакомиться с именами самых разных людей, бывших здесь домовладельцами. Вы узнаете имена известных или полузабытых зодчих Петербурга, проектировавших здесь дворцы и дома. В тексте многоликий образ набережных реки Мойки, ее зданий, мостов и прилегающих к ней магистралей дополнен редкими историческими иллюстрациями XVIII–XX столетий и фотоматериалами сегодняшних дней.

Содержание

От автора 7
Строгановский дворец 12
От дворца гетмана Украины до Педагогического университета 47
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Георгий Зуев
Течет река Мойка
Продолжение путешествия… От Невского проспекта до Калинкина моста

От автора

Книга является тематическим продолжением истории застройки берегов Мойки. Материалы первого исследования, опубликованные в начале 2012 г. издательством «Центрполиграф», включали территорию реки от места ее истока до Зеленого моста на «Большой першпективной дороге» (будущий Невский проспект).

Со времени основания Северной столицы река Мья, некогда вытекавшая из болота на месте нынешнего Марсова поля, расчищенная и облагороженная по указу Петра I, становится одним из первых городских пограничных водоемов. В годы царствования императора Петра Великого правый берег Мойки считался городской территорией, а левый – его окраиной.

В начале XVIII столетия в месте пересечения Невской першпективы с Мойкой построили первый приграничный деревянный мост, окрашенный в яркий зеленый цвет, впоследствии послуживший поводом к его официальному наименованию.

По указу царя на приграничном правом берегу речки Мьи, неподалеку от въезда на Зеленый мост, соорудили полосатый шлагбаум для задержки проезжающих во время их официального опроса, осмотра багажа, проверки документов, взыскания надлежащих пошлин и проездных податей.

Для осуществления всех пограничных формальностей в те годы, в непосредственной близости от Зеленого моста, на правом берегу реки специально построили Мытный двор (слово «мыт» означало пошлину за право проезда и провоза товаров через городскую заставу).

Шлагбаум на Зеленом мосту обслуживали солдаты, проезд через мост прекращался в одиннадцатом часу вечера. Шлагбаум обычно поднимали рано утром «после пробития утренней зори». Воинские команды, несшие здесь караульную службу, имели строгий циркуляр. Утвержденный Петром I документ требовал: «Когда шлагбаум ночью опустят, в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не пропускать. А из подлых в такие неуказанные часы, разе кто за крайнею нуждою пойдет один с фонарем, спрося у него, по указу пропускать же, а ежели два или три человека и более из подлых, хотя и с фонарем пойдут, тех брать под караул».

Лучшие земли вдоль левого берега тогдашней Мьи император раздавал своим именитым соратникам: сановникам, боевым военачальникам, заслуженным предпринимателям и именитому купечеству – с обязательным условием: застраивать подаренные участки земли домами дворцового типа и роскошными усадьбами. Поэтому застройка левого берега водоема с момента основания Петербурга от Зеленого моста до устья Мойки в районе ее впадения в Неву была более пышной, чем строения правого берега Мьи.

Правобережье Мойки в те годы застраивалось в строгом соответствии с требованиями Петра I и проектами постройки зданий зодчего Д. Трезини, а несколько позже, архитектора М.Г. Земцова, – в «красную линию», с плотно примыкавшими друг к другу фасадами домов.

Застройка же левого берега Мьи велась весьма произвольно и более свободно. Усадебные строения и дома дворцового типа отодвигались от берега водоема в глубину роскошных парадных дворов, укрывались замечательными садами и регулярными парками, замыкающими границы земельных участков.

К счастью, некоторые образцы усадебной застройки на левом берегу реки Мойки сохранились для нас по сию пору. Правда, многие из них периодически меняли своих владельцев, перестраивались, превращались из особняка или дворцовой исторической резиденции для семейства великого князя, великой княгини или иного представителя высшей столичной аристократии в государственное или учебное учреждение.

Вниз по Мойке от Зеленого моста

Неширокая спокойная Мойка, протекающая через центральную часть города, до сих пор является единственным петербургским водоемом с переброшенными через него тремя «цветными» мостами: Зеленым – у Невского проспекта, Красным – у Гороховой улицы, и наконец, Синим – у Исаакиевской площади.

Дома, расположенные вниз по течению вдоль левого берега бывшей реки Мьи, возведенные замечательными зодчими России, на отрезке от Зеленого моста до устья старейшего водоема Санкт-Петербурга, помогут напомнить малоизвестные сведения из необычных биографий их владельцев и строителей, неожиданные «ракурсы» их жизни на Мойке, а иногда и далеко от нее, об имевших место былых драмах и трагедиях.

Автор надеется, что знакомство с его новой книгой о Мой-

ке позволит читателю (особенно – подрастающему поколению), зримо увидеть, как заселялись ее набережные, познакомиться с именами самых разных людей, бывших здесь домовладельцами. Вы узнаете имена известных или полузабытых зодчих Петербурга, проектировавших здесь дворцы и дома.

В тексте многоликий образ набережных реки Мойки, ее зданий, мостов и прилегающих к ней магистралей дополнен редкими историческими иллюстрациями XVIII–XX столетия и фотоматериалами сегодняшних дней.

Автор книги весьма признателен целому ряду петербуржцев, сохранивших в своих домашних архивах дневниковые воспоминания, отдельные письма и документы своих прадедов. Это позволило «из первых рук» получить мнение старожилов набережных реки Мойки о минувших событиях, ставших историей. Использованная историческая литература, газетная и журнальная информация об отдельных событиях в жизни Санкт-Петербурга, надеюсь, во многом оживят ушедшие в Лету реальные события городской жизни.

Появлению второй книги о набережной реки Мойки бескорыстно содействовали отдельные краеведы нашего города, в числе которых с особой признательностью отмечу историка и доктора физико-математических наук Е.Л. Александрову.

Активно помогал в подборе иллюстративного материала к книге добрый технический помощник автора Д.С. Цветнов.

Строгановский дворец

В промежутке от Зеленого моста до устья реки Мойки, ее левобережье открывается величественным зданием Строгановского дворца, возведенного придворным архитектором Франческо Бартоломео Растрелли на пересечении Невской перспективы с рекой Мьей в 1753–1754 гг. В отличие от иных усадебных строений этого участка левого берега водоема дворец своими фасадами расположился по красным линиям проспекта и набережной реки и был тогда включен в рядовую застройку квартала.

Земельный участок в форме неправильного четырехугольника застроен по периметру. В первом этаже располагались вестибюль парадной лестницы и служебные помещения, во втором находились художественно оформленные парадные залы. В общем внешнем облике дворцового здания и его планировке преобладают композиционные принципы архитектуры русского барокко.

Фасады Строгановского дворца ориентировались на Невский проспект, набережную Мойки и композиционно различаются друг от друга. Более эффектен фасад здания по Невскому проспекту, особенно его центральный ризалит. Центр же фасада, обращенного к реке, оформлен хотя и сдержанно, но не менее величественно. На фронтонах с обеих сторон дворца установлены фамильные гербы графов Строгановых

– изображение двух соболей на задних лапах, держащих разделенный на две половины щит с тремя остриями копий.

Первоначально входы в здание находились со двора. По единодушному мнению знатоков петербургской истории и градостроительства, придворному архитектору Ф.Б. Растрелли в начале пятидесятых годов XVIII столетия удалось создать на месте пересечения Невской перспективы с рекой Мьей подлинный столичный шедевр. По высказыванию историка архитектуры и градостроительства М.Н. Микишатьева: «Самой главной особенностью архитектуры Строгановского дома было то, что это был первый в полном смысле этого слова городской особняк, выстроенный единым блоком, имевший два равноценных фасада со стороны сухопутной и водной магистрали. По новому решалась здесь проблема разграничения парадного и служебного (хозяйственного) дворов. На территории участка, укрытой от проспекта и набережной лицевыми корпусами, зодчий выстроил полукруглую декоративную стенку („циркули-ференцию“), очертившую пространство парадного двора, куда въезжали через подворотню».

Строгановский дворец со стороны Зеленого моста. Художники Ж. Жакотте и Г.Л. Регаме. Начало XIX в.

Возведенное в три высоких этажа дворцовое здание выгодно выделялось среди низких построек столичных обывателей не только своими необычными размерами, но и богатством декоративного убранства фасадов и внутренних интерьеров.

Семь поколений баронов и графов Строгановых сменилось во дворце с середины XVIII в. по 1918 г., при этом каждая очередная ветвь рода оставила в истории России особую память.

Строгановский дворец. Фасады со стороны Невского проспекта и реки Мойки. Современное фото

Основателем знаменитой династии считается зажиточный гражданин Великого Новгорода Спиридон Строганов. Выходец из новгородских крестьян, он разбогател доходами от своих уральских солеварен, железоделательных и медеплавильных заводов в совокупности с весьма прибыльным пушным промыслом.

Его средства позволили в 1581 г. снарядить военный поход легендарного атамана казачьих войск Ермака Тимофеевича, приступившего по велению царя Ивана Грозного к активному освоению земель Урала и Сибири.

В начале XVII столетия, в Смутное время, Строгановы оказали русскому государству помощь деньгами и ратными людьми. Царствовавший короткий период русский царь Василий Шуйский персонально для Строгановых учредил официальный почетный титул «именитых людей», что поз-

воляло им тогда иметь в течение 100 лет огромные привилегии и почет. Последним именитым человеком из этого рода являлся Григорий Дмитриевич Строганов, щедро помогавший молодому Петру I деньгами. На свои средства именитый купец Г.Д. Строганов построил для царя Петра на Воронежских и Архангельских верфях два больших военных корабля. В благодарность за это император пожаловал сыновей Г.Д. Строганова – Александра,

Николая и Сергея – дворянским баронским титулом.

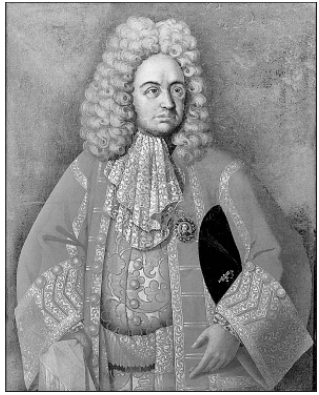
В середине XVIII столетия известные заводчики Урала и Сибири, владеющие тысячами крепостных на своих уральских заводах, считаются в столице одними из самых состоятельных и влиятельных людей Российской империи.

Первым владельцем фамильного участка на углу Невской перспективы, в месте ее пересечения с тогдашней городской речкой Мьей, стал барон и камергер Сергей Григорьевич Строганов. Он владел одним из двух крыльев большого деревянного одноэтажного особняка. Второе крыло здания тогда занимал царский повар Шестаков со своим многочисленным семейством. Оба крыла деревянного строения соединялись в те годы массивным арочным перекрытием. Мечтой богача Строганова было заполучить весь участок, снести деревянное здание и на его месте построить каменный дворец.

Сергей Григорьевич, озабоченный своим замыслом, несколько лет подряд убеждал своего соседа продать принадлежавшую тому часть дома, предлагая царскому повару до-

вольно крупную сумму денег. Однако Шестакову не хотелось покидать обжитой дом и налаженное годами хозяйство. Он каждый раз решительно отказывался от заманчивых предложений барона, несмотря на то что С.Г. Строганов всякий раз существенно увеличивал предлагаемую за выкуп части деревянного дома щедрую сумму полновластных царских золотых червонцев. И все же камергер реализовал свой замысел и построил в столице дворец, ставший родовым гнездом Строгановых.

В данном случае Сергею Григорьевичу «помогло» то ли провидение, то ли очередной губительный пожар в Северной столице.



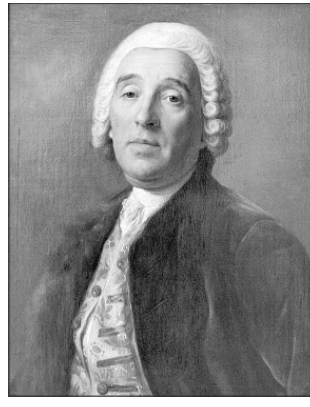
Григорий Дмитриевич Строганов

Сергей Григорьевич Строганов

Обоюдное домовое владение неожиданно выгорело во время пожара на Невской перспективе. Современники с удивлением отмечали, что приехавший на пожар барон Строганов, глядя, как пламя пожирает деревянное строение, вдруг громко рассмеялся и с удовлетворением воскликнул: «Ну, наконец-то!» Повар Шестаков переехал с пожарища на новую квартиру, а Строганову досталось огромное пепелище – расчищенная огнем вожделенная строительная площадка, пригодная для возведения престижного дворцового особняка. Сразу же после пожара, в марте 1753 г., Сергей Григорьевич договорился с архитектором Ф.Б. Растрелли о проектировании и возведении здесь особняка дворцового типа и осуществлении регулярного наблюдения за ходом строительных работ.

О происшедших событиях в столице в марте 1753 г. Сергей Григорьевич писал на Урал своему сыну Александру: «Наш деревянный петербургский дом сгорел до основания, и на том месте я уже начал строить новый, и такой огромный, и с такими украшениями, что удивления достойно…» Одного из богатейших российских предпринимателей того времени мог устроить в Северной столице только роскошный особняк дворцового типа.

Проект собственного дворца барон С.Г. Строганов неслучайно заказал именно придворному зодчему Ф.Б. Растрелли. Участие в строительстве частного здания этого знаменитого мастера, находящегося в зените своей славы, отнесли в Петербурге к особым и довольно редким случаям. Работа на частного заказчика императорского архитектора в те годы практически исключалась. Императрица Елизавета Петровна, несмотря на чрезвычайную загруженность своего придворного архитектора, памятуя о заслугах перед престолом династии Строгановых, тогда лично милостиво дозволила участие Ф.Б. Растрелли в работе по проектированию и наблюдению за строительством дворца камергера С.Г. Строганова на Невском проспекте.



Бартоломео Растрелли

Подобное тогда могли себе позволить только Строгановы. Растрелли действительно был чрезвычайно загружен императорскими заказами и почти никогда не строил дома для частных лиц, но тот факт, что зодчий не только сам спроектировал дом Строгановых, но и изыскал возможность вплотную заниматься этим строительным объектом, говорит о значительной влиятельности рода дворян Строгановых. Вероятно, именно этим многие объясняли тогда, что дворец на Невском проспекте, в месте его пересечения с Мойкой, занял достойное место в иерархическом перечне дворцового зодчества столицы сразу после императорского Зимнего и канцлерского Воронцовского дворцов.

Инициатор постройки дворца и его будущий владелец, барон С.Г. Строганов предоставил придворному зодчему пол-

ную свободу действий, и тот в течение двух лет построил на месте сгоревших домов абсолютно новое здание – шедевр русского барокко.

Строгановский дворец считается единственным городским памятником архитектуры середины XVIII столетия, расположенным на главной магистрали столицы. Возведенный в три высоких этажа на углу Невского проспекта и набережной Мойки, он выделялся среди обывательских строений не только своими необычными размерами, но и богатой пышностью декоративного убранства обоих фасадов. Да и в наши дни, несмотря на то что Строгановский дворец теперь окружен высокими и разнообразными по своей архитектуре городскими зданиями, старинный особняк не растворился в их гуще и прекрасно просматривается не только в перспективе современного Невского проспекта, но и с дальних точек излучины реки Мойки.

Парадная лестница

Проектом Растрелли во дворце предусматривались 50 комнат, большой танцевальный зал и прекрасная галерея с огромными зеркалами и мраморными скульптурами. Все простенки между окнами дворца С.Г. Строганова зодчий украсил медальонами с мужским профилем. До сих пор мнения историков архитектуры и градостроительства разделились относительно личности изображенного на медальоне мужского портрета. Одни эксперты по сию пору считают, что это прижизненный скульптурный портрет первого хозяина дворца – Сергея Григорьевича Строганова, а другие приписывают изображению черты лица самого зодчего Растрелли.

Особой достопримечательностью Танцевального зала является огромный живописный плафон «Триумф Героя», закрывающий почти всю площадь потолка. Он был выполнен в

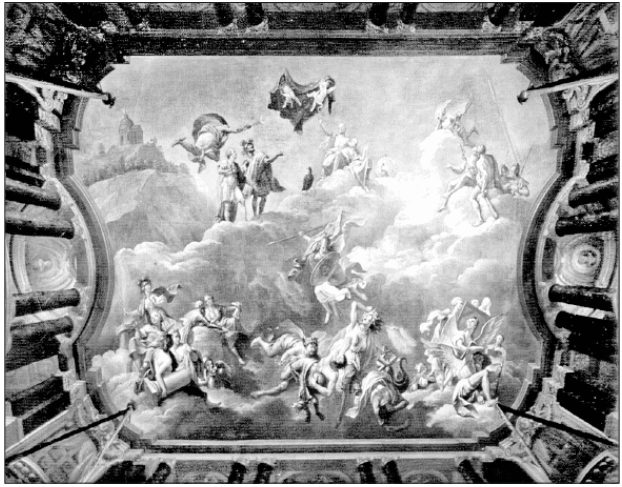
1750-е гг. знаменитым итальянским декоратором Джузеппе Валериани на тринадцати холстах, укрепленных на деревянных подрамниках. Композиция уникального плафона предоставлена многофигурной центральной частью, окантованной архитектурной рамой из колоннад с нишами, балюстрадой и скульптурами. Сюжетом росписи плафона явился триумф мифологического героя Энея, восходящего на Олимп. В центре на плафоне – богиня мудрости Минерва, поражающая пороки: Властолюбие, Зависть, Злость и Лесть. Справа от нее – аллегории искусств, а слева – аллегории добродетели. Уникальный плафон прекрасно сохранился и почти не затронут позднейшими дворцовыми переделками.

Новая передняя

За два года строительных работ по проекту и под руковод-

ством Ф.Б. Растрелли был возведен один из самых величественных дворцов Санкт-Петербурга. Роскошное строение с огромными окнами и лепниной на фасадах вызвало неимоверное восхищение и неописуемый восторг владельца дворца и жителей Северной столицы. Сергей Григорьевич при виде своего нового дома даже прослезился от умиления, обнял великого российского зодчего и отблагодарил мэтра не только весьма щедрой денежной оплатой за великолепную работу, но и специально по этому поводу сделал Растрелли необычный презент. Портрет знаменитого зодчего камергер С.Г. Строганов заказал известному европейскому художнику П. Ротари, находившемуся тогда по приглашению императрицы Елизаветы Петровны в Санкт-Петербурге для написания портретов членов царской семьи.

Большой (Танцевальный) зал



Большой (Танцевальный) зал. Живописный плафон «Триумф героя»

Малая гостиная

После окончания строительства дворец С.Г. Строганова посетила императрица Елизавета Петровна. Ее поразила красота, внешний вид необычного строения и блеск его интерьеров. Царица даже высказала пожелание отпраздновать в новом доме гостеприимного Сергея Григорьевича свой день рождения, ибо к этой дате перестройка ее Зимнего императорского дворца на набережной Невы, начатая в 1754 г., вряд ли могла быть завершена. Во время визита в дом барона Строганова Елизавета Петровна провела дружескую беседу с уважаемым ею Сергеем Григорьевичем и своим зодчим Растрелли. Обоим тогда удалось уговорить императрицу на время начатой капитальной перестройки Зимнего дворца стать соседкой Строганова и переехать во временный деревянный Зимний дворец, который Растрелли обещал построить ме-

нее чем через год. В качестве места для возведения императорского дворца камергер С.Г. Строганов предложил участок на правом берегу Мойки, на ее пересечении с Невской перспективой, на бывшем участке первого Гостиного двора.

Большая гостиная

29 декабря 1754 г. императрица соизволила высочайше утвердить «План новобудущему на каменном фундаменте деревянному Зимнему дворцу, который имеет быть построен на Адмиралтейской части близь Зеленого мосту и на Невской перспективе на месте Гостиного двора и на той площади, что к Адмиралтейскому лугу».

В 1756 г., после смерти барона и камергера Сергея Григорьевича Строганова, дворец по наследству переходит во владение его сына – Александра Сергеевича. Граф А.С. Строга-

нов являлся известным меценатом, президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки. По его распоряжению в 1788–1793 гг. архитектор Федор Иванович Демерцов во дворе родового особняка Строгановых вместо старых служебных построек возвел два новых флигеля – южный и восточный, замкнув таким образом дворцовое здание в каре. В северном же корпусе зодчий по просьбе владельца оформил небольшой Минералогический кабинет.

Зал с дубовым камином

Граф Александр Сергеевич Строганов (1737–1811) являлся высокообразованным человеком, знатоком истории и искусства – отечественного и европейского, был одним из знаменитых русских меценатов своего времени. Он успешно руководил Академией художеств и выполнял обязанности

первого директора столичной Публичной библиотеки. Под его руководством в Петербурге построили знаменитый Казанский собор.

Граф А.С. Строганов коллекционировал шедевры западноевропейской живописи, владел крупнейшим минералогическим собранием редких и ценных камней и считался одним из крупных мировых нумизматов. Все свои раритетные собрания он разместил в специально оборудованных кабинетах дворца, приспособленных не только для удобного обозрения коллекции, но и для ее научного исследования.

При жизни графа А.С. Строганова замечательный дворец на Невском проспекте на пересечении с рекой Мойкой становится одним из важных центров культурной и общественной жизни Северной столицы. В нем бывали знаменитые деятели русской культуры – писатели, поэты и музыканты. Здесь Д.И. Фонвизин читал собравшимся свои сочинения. В залах дворца звучали оды Г.Р. Державина, басни И.А. Крылова. При помощи графа Александра Сергеевича Н.И. Гнедич завершил свой перевод «Илиады» и в благодарность посвятил Строганову свою идиллию «Рыбаки».

Арабесковая гостиная

В Строгановском дворце происходило немало важных событий, непосредственно связанных с русской историей. В 1760-е гг. в Большом дворцовом зале работала инициативная группа по созданию в столице Публичной библиотеки, а в декабре 1766 г. в Строгановском дворце, в присутствии императрицы Екатерины II прошли выборы депутатов Комиссии по составлению Нового Уложения.

На протяжении двухвековой истории Строгановского дворца его здание и особенно внутренние интерьеры частично перестраивались и переделывались в полном соответствии с потребностями новых наследников и с особенностями периодически меняющейся архитектурной моды.

Заметим, что именно в стенах этого здания формировался великий природный художественный дар будущего зна-

менитого зодчего Андрея Никифоровича Воронихина, крепостного графа Строганова. Граф Александр Сергеевич, высоко оценив способности молодого человека, дал Воронихину вольную, помог бывшему крепостному завершить классическое архитектурное образование не только в России, но и в Европе.

Существует легенда, что Андрей Воронихин якобы был внебрачным сыном графа Александра Сергеевича Строганова. В подтверждение подобного предположения народная молва приводила целый ряд, по ее мнению, существенных доводов и примеров. Всех удивляло, что граф Александр Сергеевич поселил бывшего крепостного человека в барских покоях, обращался с ним как с равным по происхождению, совершал с ним творческие поездки за границу, оказывал покровительство при получении молодым архитектором выгодных и весьма ответственных заказов и активно способствовал продвижению зодчего по карьерной лестнице в Российской академии художеств.

В 1790-х гг. владелец Строгановского дворца, граф Александр Сергеевич, один из самых состоятельных людей России, принял решение о перестройке и перепланировке своего столичного дворца. Перестройкой особняка занимался вернувшийся из Европы талантливый специалист – «домашний» архитектор Строгановых, бывший крепостной Андрей Никифорович Воронихин.

Первого зодчего Строгановского дворца – Ф.Б. Растрел-

ли – и архитектора А.Н. Воронихина, приступившего через пятьдесят лет к перестроечным работам «барочного» шедевра своего гениального предшественника, объединяло восприятие дворца как целостного архитектурного ансамбля. Разделяла же двух великих российских зодчих эпоха, в коей во времена Ф.Б. Растрелли в архитектурной моде преобладал художественный стиль барокко, отличавшийся от пришедшего ему на смену во второй половине XVIII столетия стиля русского классицизма своей декоративной пышностью, динамическими, сложными формами и живописностью.

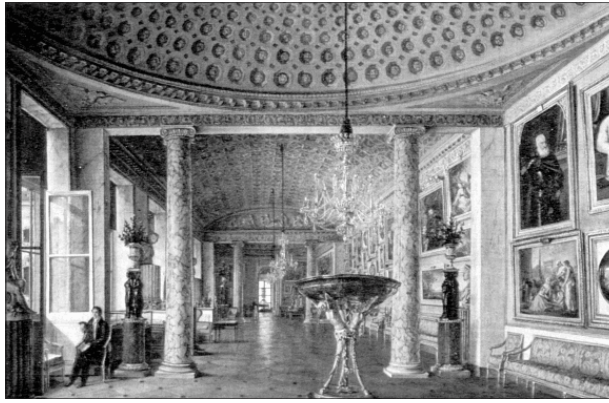
Андрей Никифорович Воронихин

А.Н. Воронихин, наряду с зодчими А.Д. Захаровым, Тома де Томоном, К.И. Росси, вошел в историю отечественной архитектуры как один из создателей новых форм высокого

классицизма. Выполняя поручение Александра Сергеевича Строганова по частичной перестройке дворца, «домашний» архитектор нового хозяина особняка вносит классицистические элементы в декор перестроенных внутренних помещений дворца, приглушает их барочную декоративную пышность и яркую живописность, вышедшие из моды к концу XVIII в.

По проекту А.Н. Воронихина на месте одноэтажных дворцовых флигелей тогда соорудили новые корпуса с отделанными в духе классицизма интерьерами. Обновили интерьеры и в старой части дворца. Ранее существовавший главный вход во дворец со двора в корпус, стоящий на набережной Мойки, зодчий ликвидировал, перестроил северо-западный угол особняка, заново создал ряд интерьеров в классической манере и устроил главный вход в здание с Невского проспекта. Вестибюль с лестницей зодчий декорировал в виде «руин древнегреческого храма» с четырьмя разновысокими дорическими колоннами. Главный марш парадной лестницы поддерживался, согласно проекту талантливого архитектора, изобретенной им особой «ползущей» аркой, опирающейся на разновысокие опоры.

Александр Сергеевич Строганов



Картинная галерея Строгановского дворца

Проект Воронихина предусматривал реконструкцию и со-

здание заново целого ряда оригинальных интерьеров в новом классицистическом стиле, в том числе и в помещениях, пристроенных к зданию восточного и южного корпуса.

На месте Зеркальной галереи архитектора Ф.Б. Растрелли Воронихиным обустраивается Парадная столовая, или Угловой зал. Благодаря использованию зодчим эффектного приема отражения настенными зеркалами, украшающими всю южную часть помещения и простенки между строгими полуколоннами ионического ордера, созданный по замыслу Андрея Воронихина интерьер Парадной столовой стал выглядеть светлее и просторнее.

Знаменитый внутренний интерьер, расположенный на Невской анфиладе Строгановского дворца, считается одним из высших достижений мастерства Андрея Воронихина. Созданный в 1791–1792 гг. Минералогический двухъярусный кабинет предназначался для уникального книжного собрания графа Александра Сергеевича и его известной коллекции уральских минералов и редких камней. Как известно, Публичная библиотека в российской столице появилась в начале XIX столетия.

Минералогический кабинет

Ее прообразом считалась общественная библиотека в Строгановском дворце, услугами которой пользовались российская императрица, Воронцовы, Сумароков и другие известные жители Санкт-Петербурга.

Одним из лучших творений А.Н. Воронихина также становится уникальный интерьер знаменитой Картинной галереи графа А.С. Строганова, занимавший помещение длиной 28 метров на втором этаже восточного корпуса дворца. Помещение Картиной галереи разделялось на три части, расположенные на одной оси. Центральная (средняя) часть перекрывалась плоским коробовым сводом, а две боковые лоджии – небольшими куполами. Центральная часть Картинной галереи отделялась от боковых лоджий четырьмя ионическими колоннами. Свод центральной части галереи оформ-

лен барельефами, представляющими собой аллегорию «Живописи» и «Скульптуры». Воронихин с особым изяществом и присущим ему мастерством отнесся к отделке интерьера Картинной галереи. Ее стены затянули зеленым шелком, окантованным золоченым бантом. Помещение меблировали гарнитуром, состоящим из великолепных кресел и диванов, также обтянутых зеленым шелком. Особым украшением помещения стала тогда великолепная ваза высотой 13,4 см и диаметром 107 см, изготовленная художниками-умельцами на графской Екатеринбургской гранильной фабрике.

Парадная столовая (Угловой зал)

Интерьер Картиной галереи удачно дополнялся бронзовыми трехметровыми торшерами известного французского мастера Ф. Томира. В галерее размещалась знаменитая кол-

лекция живописи, собранная графом Александром Сергеевичем Строгановым в течение сорока лет.

Своеобразный музей западноевропейского искусства живописи XVI–XVIII вв. был доступен для всех и по образной оценке Александра Бенуа являлся «душой» Строгановского дворца. Потомки графа А.С. Строганова продолжали дело знаменитого русского мецената и регулярно пополняли шедеврами живописи строгановскую Картинную галерею.

Главной и самой ценной картиной галереи считалось полотно фламандского живописца Лересса «Поклонение волхвов». По бокам от уникального художественного произведения располагались полотна не менее знаменитых мастеров европейской живописи – картины Рубенса, Ван-Дейка, Рембрандта, Рени и других живописцев.

После смерти А.Н. Воронихина на протяжении тридцати лет главным дворцовым архитектором являлся его ученик Петр Садовников. Частичной перестройкой интерьеров Строгановского дворца позже занимался и зодчий Карл Росси, спроектировавший, несмотря на свою занятость, в Строгановском дворце апартаменты для внучки графа Александра Сергеевича – Аглаиды и ее мужа Василия Сергеевича Голицына. Годы не сохранили эти дворцовые интерьеры, но в прошлом столетии в одном из строгановских альбомов обнаружили 18 миниатюр с ампирными интерьерами работы самого Карла Росси. Оказалось, что интерьеры украшали великолепная драпировка панелей и тонкая роспись

стен, изящные барельефы, мастерски расположенная мебель и произведения искусства.

Оказывается, мастер этих интерьеров тогда же серьезно намеревался капитально перестроить барочные растреллевские фасады Строгановского дворца, чтобы придать ему строгий ампирный вид. К счастью, лишь огромная занятость Карла Росси помешала ему это сделать, и фасады дворца по-прежнему остаются для наших современников шедевром русского барокко.

В 1842 г. архитектор Петр Садовников (1796–1877) по просьбе графини Елизаветы Павловны (дочери Павла Александровича Строганова) спрямил фасад южного корпуса дворцового комплекса и в его центре, напротив главного въезда, разместил Парадную спальню графини. И наконец, архитектор Гарольд Боссе в 1840-1850-х гг. выполнил во дворце отделку интерьеров светлейшей княгини Е.П. Салтыковой, урожденной графини Строгановой.

В XXI столетии в Строгановском дворце (ставшем к этому времени филиалом Русского музея) завершилась реставрация единственного в Санкт-Петербурге интерьера, сохранившего барочное декоративное оформление зодчего Ф.Б. Растрелли, – Большого танцевального зала с его уникальным плафоном «Триумф Героя», работы итальянского живописца Джузеппе Валериани, интерьера, практически не затронутого позднейшими переделками. Реставрированы также Минералогический кабинет, Картинная галерея и другие поме-

щения.

Во дворце на протяжении почти двух веков, до октября 1917 г., жили несколько поколений рода графов Строгановых. После смерти графа Александра Сергеевича Строганова в 1811 г. дворцом владел его сын – граф Павел Александрович Строганов, посвятивший свою жизнь военной службе. Как человеку военному, графу часто приходилось отлучаться из дома, бывая в военных походах и сражаясь на полях боев. Во дворце в эти периоды хозяйничала его любимая супруга – Софья Владимировна, дочь знаменитой княгини Н.П. Голицыной, послужившей А.С. Пушкину прототипом старой графини в повести «Пиковая дама». Унаследовавшая от матери природную девичью красоту и волевые качества, Софья Владимировна прекрасно вела огромное дворцовое хозяйство и даже успешно продолжила известные традиции своего знаменитого свекра – Строгановский дворец продолжал оставаться в российской столице одним из ведущих культурных центров.

Граф участвовал в войнах со Швецией, Турцией и Францией. В битве при Карнау граф потерял своего единственного сына и наследника. В семействе Строгановых тогда наступил династический кризис в связи с гибелью прямого наследника графского рода по прямой мужской линии. Александр I, учитывая заслуги рода Строгановых перед Отечеством, издал специальный Указ о нераздельном имении, так называемом майорате. Согласно этому документу, графский

титул и родовая фамилия Строгановых передавалась мужу старшей из четырех дочерей графини Софьи Владимировны (вдовы П.А. Строганова), ставшей пожизненной распорядительницей всего имущества.

Павел Александрович Строганов

Графский титул позже получил Сергей Григорьевич Строганов, женившись на старшей дочери графа Павла Александровича – Наталье Павловне. Граф С.Г. Строганов, так же как и его тесть, являлся известным коллекционером археологических предметов, старинных монет и редких древних икон. Он вошел в историю после основания на свои средства школы живописи в Москве – знаменитой «Строгановки». Многие годы Сергей Григорьевич являлся председателем «Общества истории и древностей российских» и глав-

ным редактором всех научных трудов, издаваемых этим обществом. С.Г. Строганов значительно пополнил дворцовую коллекцию живописи, принадлежавшую его тестю Александру Сергеевичу.

Строгановский дворец в столице славился также своими «открытыми для всех обедами». В его внутренний дворик мог прийти всякий прилично одетый человек и отобедать за графским столом. Этой ежедневной возможностью с благодарностью пользовались небогатые петербуржцы. На ежедневных открытых обедах во внутреннем дворике дворца графа Александра Сергеевича Строганова всякий раз присутствовало сто и более человек. Говорили, что один из любителей отобедать у графа столовался ежедневно более двадцати лет. Когда же тот в один прекрасный день вдруг перестал бывать на графских обедах, то все посчитали, что он умер, но при этом никто не смог вспомнить его имени и звания.

После революций 1917 г. семья Строгановых покинула родовой дворец и эмигрировала во Францию. В 1918 г. Строгановский дворец национализировали и в 1919 г. на некоторое время превратили в популярный «Народный дом-музей графов Строгановых». Его экспозиция с соответствующей политической подоплекой рассказывала о жизни и судьбах представителей верхушки «проклятого прошлого». Экспозицию организовали работники Государственного Эрмитажа. Музей старого быта в здании Строгановского дворца

существовал до 1929 г.

Софья Владимировна Строганова

Большой кабинет графини С.В. Строгановой

На протяжении почти двухвековой истории Строгановский дворец неоднократно перекрашивался. В разные годы он периодически становился светло-сиреневым, кирпично-красным, зеленым, желто-розовым и розовым. В 1935 г. дворцовой фасад вновь перекрасили, и до 2003 г. он оставался зелено-белым. Ныне по выявленным слоям красок дворцу вернули первозданный розовый цвет.

В 1929 г. историко-бытовой музей в Строгановском дворце закрыли, а дворцовые залы и исторические помещения передали Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина с целью организации на базе дворца филиала академии – Института прикладной ботаники. Картины и иные художественные коллекции графов Строгановых распределили по государственным музеям СССР, а значительную часть коллекции продали на европейских аукционах. В опустошенной Картинной галерее дворца оборудовали читальный зал для Института прикладной ботаники.

Малый кабинет графини С.В. Строгановой

В конце 1930-х гг. в Строгановском дворце размещалось значительное количество самых разнообразных учреждений. По заключению музейных экспертов, сменявшие друг друга государственные учреждения и организации «варварски» разрушили здание Строгановского дворца и его уникальные интерьеры. Главным арендатором дворца в числе прочих организаций являлся «Электромортрест» Наркомата судостроительной промышленности, а в 1970 г. генеральным арендатором становится городское предприятие «Эра» МСП СССР.

4 апреля 1988 г. Ленгорисполком принял наконец решение № 248 «Об освобождении и передаче Русскому музею помещений бывшего Строгановского дворца».

Проведенные в период с 1989 по 2003 г. Государствен-

ным Русским музеем комплексы реставрационных работ почти полностью вернули одному из уникальных памятников русской архитектуры XVIII столетия первоначальный облик детища великого зодчего Ф.Б. Растрелли. Реставраторы возродили анфилады дворцовых парадных помещений второго этажа, сохранивших черты декоративного убранства, созданного талантом зодчих Ф.И. Демерцова, А.Н. Воронихина, П.С. Садовникова и И.Ф. Колодина.

В наши дни завершились реставрационные работы в Картинной галерее Строгановского дворца, и администрация Русского музея полагает, что это уникальное помещение скоро откроется для посетителей.

В начале 1990-х гг. по инициативе внучатой племянницы графа Сергея Александровича Строганова, баронессы Элен де Людингаузен, в Нью-Йорке учредили Благотворительный Строгановский фонд. Главная задача этого фонда заключается в ощутимой финансовой поддержке реставрационных работ не только в Строгановском дворце, но и в иных петербургских дворцах-музеях, а также помощь в воссоздании утраченных храмов России.

От дворца гетмана Украины до Педагогического университета

В период правления Петра Великого, с 1703 по 1726 г., водораздел Мойки являлся естественной границей Северной столицы. Уже упоминалось, что ее левый берег, считавшийся тогда предместьем столичного города, застраивался дворцами-усадьбами и богатыми особняками именитых горожан.

Величина и архитектура усадебных построек левого берега реки Мьи с годами изменялись в зависимости от вкусов новых владельцев и архитектурной моды – от любимого в начале XVIII столетия стиля барокко до пришедшего ему на смену в период царствования императрицы Елизаветы Петровны русского классицизма.

На месте нынешнего главного корпуса Педагогического университета им. А.И. Герцена в годы правления Петра I по соседству с будущим участком барона Строганова первоначально находилась усадьба сподвижника основателя Санкт-Петербурга, адмирала Федора Матвеевича Апраксина (1661–1728), знаменитого государственного и военно-морского деятеля Российской империи. Владелец усадьбы особенно известен как один из основателей отечественных военно-морских сил и руководитель победоносных сражений российского флота на Балтике и Черном море.

Граф Ф.М. Апраксин вместе с Петром I создавал в Подмосковье первое петровское «потешное» войско, в 1693–1696 гг. по указу русского царя он назначается губернатором Азова и руководит строительством Азовского военного флота, военных крепостей и гаваней на побережье Азовского моря. Адмирал принимал самое активное участие во втором Азовском походе русского царя против Турции, а 1699 г. участвовал в знаменитом Керченском походе молодого русского флота на Азовском море.

Федор Матвеевич Апраксин

В 1707 г. адмирал назначается командующим Балтийским флотом и всеми сухопутными войсками Ингерманландии (Ижорской земли), решительно отразившими все попытки шведского генерала Г. Любеккера захватить Санкт-Петер-

бург. Граф Ф.М. Апраксин в 1709 г. руководит строительством и формированием отечественного военного флота на столичных верфях, и спустя год, командуя десятитысячным русским корпусом, адмирал взял в осаду шведскую крепость Выборг и захватил ее.

С 1711–1721 гг. он руководил уничтожением мощных шведских южных крепостей и в конце военной кампании овладел Финляндией. Возглавляемый Ф.М. Апраксиным русский флот одержал над шведами легендарную победу в морском сражении при Гангуте. С 1717 г. указом Петра I граф Апраксин назначается первым президентом Адмиралтейств-коллегии, в 1726 г. становится членом Верховного тайного совета.

В 1728 г. Федор Матвеевич Апраксин переехал вместе с царским двором в Москву, где через несколько месяцев скончался. Усадьба Ф.М. Апраксина на левом берегу тогдашней реки Мьи по праву считалась самой благоустроенной. Его дом окружал сад с уютными тенистыми аллеями, с мраморными белоснежными статуями и бюстами, приобретенными военачальником в Италии у мастеров и владельцев скульптур конца XVII – начала XVIII вв. Доставленные в русскую столицу редкие образцы скульптуры и живописи итальянских мастеров становились предметами художественного оформления особняка и сада графа Апраксина. По воспоминаниям иностранцев, скульптуры отлично воспринимались на изумрудном фоне цветников, кустов и дере-

вьев адмиральского приусадебного парка, разбитого руками царских садоводов.

Дворец Разумовского (Педагогический университет им. А.И. Герцена), набережная реки Мойки, 48

Позже, по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны, большинство этих мраморных бюстов и статуй перевезли в Царское Село и установили в дворцовом парке. Интересно, что некоторые мраморные изваяния из коллекции графа Ф.М. Апраксина можно и сегодня еще увидеть на аллеях Екатерининского парка.

После смерти графа его усадьба в 1728 г. по наследству переходит к его племяннику, а тот в 1734 г. продает дом и усадебный комплекс приближенному императрицы Анны

Иоанновны камергеру графу К.Г. Левенвольде.

Карл Густав Левенвольде служил при дворе императора Петра III, а после его кончины вовремя оказал услугу новой императрице Анне Иоанновне, избранной членами Верховного Тайного совета кандидатом на императорский трон.

Верховники тогда тайно единодушно посчитали: «Быть на престоле российском герцогине курляндской Анне Иоанновне», но при этом солидарно и сугубо секретно подготовили свои особые условия («кондиции») для обязательного подписания новой императрицей при приезде в Россию перед официальным ритуалом восшествия на русский престол. «Кондиции» верховники поклялись держать в глубокой тайне и даже не допускали любой возможности ознакомления населения с разработанными ими требованиями к будущей российской императрице до ее прибытия из Митавы в Россию.

«Кондиции» верховников ограничивали императорскую власть в ее основных самодержавных государственных позициях. Подготовленный для подписания Анной Иоанновной документ обязывал ее: «Обещать сохранить Верховный Тайный совет и без согласования с ним не начинать войны, не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами, не производить в знатные чины служащих как статской, так и в воинской сухопутной и морской службе выше полковничьего ранга. Не определять никого к важным делам, не жаловать самостоятельно вотчины, не отнимать без суда живо-

та, имущество и чести у шляхетства и не употреблять в расходы государственных доходов».

«Кондиции» верховников завершались подлинным императорским заверением строго выполнять все пункты, включенные в требования Верховного Тайного совета. «А буде чего по сему обещанию не исполнено и не додержу, то лишена буду короны российской». Завершив работу верховники отдали приказание «оцепить всю Москву караулами и кругом ее поставить на расстоянии тридцати верст по одному унтер-офицеру с отрядом солдат, чтобы не пропускать из Москвы иначе, как только с паспортом, выданным из Верховного Тайного совета».

Всем вольнонаемным извозчикам в продолжение нескольких дней запрещено было подряжать с едущими куда бы то ни было из столицы. Пакет подготовленных «кондиций» верховники вручили князьям В.Л. Долгорукову и М.М. Голицыну, выехавшим в Митаву к герцогине курляндской.

Однако, как ни старались члены Верховного Тайного совета сохранить свои намерения и содержание подписанных ими документов в глубокой тайне, им этого сделать не удалось.

Ушлый царедворец Левенвольде, живший тогда в Москве, сумел в деталях ознакомиться с документами заговорщиков и смог каким-то образом не только сообщить о них своему брату – жителю Лифляндии, но и попросить его незамедлительно ознакомить с содержанием решения верховни-

ков Анну Иоанновну. Кроме того, дальновидный Левенвольде предупредил будущую императрицу, что шляхетство и народ не поддерживают и не сочувствуют затеям верховников. Об этом довольно убедительно должен был также поведать Анне Иоанновне гвардейский офицер Сумароков, посланный в Митаву генерал-прокурором П.И. Ягужинским. Правда, офицер, в отличие от Левенвольде, не успел выполнить данное ему поручение, ибо по приказанию находящегося на приеме у герцогини в Митаве князя В.Л. Долгорукова его арестовали и срочно отправили в Москву, закованного в кандалы. Предупрежденная о заговоре Анна Иоанновна приветливо встретила депутацию верховников, не теряя самообладания, подписала условия своего будущего правления на российском троне, продиктованные группой членов Верховного Тайного совета, и даже вручила им составленное ею обращение к своим подданным.

В Российском Государственной архиве сохранился этот исторический документ, составленный Анной Иоанновной: «Так как во всех государствах руководствуются благими советами, то мы пред вступлением нашим на престол, по здравому рассуждению, изобрели за потребно для пользы Российского государства и к удовольствию наших верных подданных, написав, какими способами мы то правление вести хощем, и подписав нашею рукою, послать в Верховный Тайный совет, а сами сего месяца в 29 день конечно из Митавы к Москве для вступления на престол пойдем».

Императрица Анна Иоанновна

На заседании Верховного Тайного совета прочитали еще раз подписанные императрицей «кондиции» и личное послание. Однако большинство тех, кто недавно подписал перечень требований для российской императрицы, почему-то стали испуганно переглядываться друг с другом, а глава Верховного Тайного совета с удивлением не обнаружил на их лицах ликования и радости, после того как князь Дмитрий Михайлович Голицын решил воздать хвалу решению Анны Иоанновны: «Видите, как милостива наша государыня, каковаго мы от нее надеялись, таковое она показала отечеству нашему благодеяние! Бог сам подвинул ее к сему писанию! Отселе счастливая и цветущая Россия будет!..»

Во время его выступления кто-то из верховников унылым

тихим голосом произнес: «Не ведаю, удивительно, отчего это государыне пришло на мысль так писать».

Замыслы Верховного Тайного совета тогда возбудили толпы и великое недовольство в разных сословиях Российской империи. После того как 2 февраля подписанные государыней «кондиции» зачитали прилюдно в собрании Сената, командование гвардии и руководители статских государственных ведомств были возмущены действиями верховников. Недовольство нарастало с каждым днем. В городе стали открыто возникать группы возмущенных людей, особенно сторонников древнего русского самодержавия, доходивших до такого ожесточения, что они смело заявляли: «Нам бы собраться, напасть на них с оружием и перебить их!» Особенно злобно высказывались представители армии и гвардейских полков, ибо сообразно «кондициям» Анна Иоанновна не могла назначать своим указом командующих лиц в армии и гвардии. Теперь это право принадлежало Верховному Тайному совету.

И вдруг, среди нарастающего общего недовольства, к великому торжеству гвардии, новая императрица, вопреки запретам группы верховников и не спрашивая разрешения, 12 февраля по старой традиции объявляет себя полковником Преображенского полка и капитаном Кавалергардской роты. Гвардия ликовала и злобно отзывалась о верховниках с их руководителем – князем Долгоруким.

25 февраля 1730 г. племянница Петра I, герцогиня Кур-

ляндская Анна Иоанновна пришла во дворец в окружении гвардейцев, громогласно заявлявших о восстановлении самодержавия и заверивших императрицу: «Государыня! Мы верные рабы вашего величества. Мы служили верно вашим предшественникам и теперь готовы пожертвовать жизнью, служа вашему величеству. Мы не потерпим ваших злодеев. Повелейте только, и мы к вашим ногам сложим их головы». Затем в присутствии верховников князь Антиох Кантемир зачитал императрице челобитную, подписанную шестьюдесятью шестью известными россиянами, высказавшими просьбу о восстановлении петровского Сената и уничтожении всех пунктов, предписанных ей Верховным Тайным советом. Затем Анна Иоанновна обратилась к верховникам со словами: «Стало быть, пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа! Князь Василий Лукич, стало быть, меня обманул!». После этих слов императрица приказала немедленно доставить ей подписанные в Митаве «кондиции». На глазах присутствующих Анна Иоанновна порвала подписанные ею документы и объявила, что «желает быть истинною матерью отечества и доставлять своим подданным все возможные милости».

Ну а затем, как это обычно бывало на Руси, для одних как из рога изобилия посыпались благодати – чины, звания, награды и почести, а для других – допросы в Тайной канцелярии и суровые приговоры покусившимся на святое – самодержавную власть и права помазанника Божия.

В числе награжденных и обласканных новой государыней оказался и Карл Густав Левенвольде, получивший звание камергера Императорского двора, дворянский титул графа и придворный чин шталмейстера. В дополнение к этому Анна Иоанновна выдала своему осведомителю достаточную сумму денег для приобретения усадьбы адмирала Ф.М. Апраксина на левом берегу реки Мьи.

Новый владелец усадьбы граф К.Г. Левенвольде снес старый дом и хозяйственные постройки адмирала Ф.М. Апраксина и по проекту архитектора Ф.Б. Растрелли в 1730-х гг. построил весьма представительный деревянный дворец с большим количеством богато декорированных меблированных помещений.

Помня об оказанной важной услуге, императрица Анна Иоанновна приблизила ко двору верного графа Левенвольде. Шталмейстер двора выполнял многие поручения своей покровительницы и неоднократно награждался государыней. Именно ему императрица поручила отыскать подходящего жениха для своей любимой племянницы – принцессы Анны Леопольдовны. Анна Иоанновна, не любившая цесаревну Елизавету Петровну, торопилась найти племяннице жениха, чтобы сохранить ее будущему наследнику и роду российский трон. Немецкая империя изобиловала женихами-принцами для возможных выгодных политических брачных связей с Россией.

Историк Н.И. Костомаров в своей знаменитой «Русской

истории» отмечает: «В Вене граф Левенвольде подпал под влияние императорского дома и по указаниям, полученным оттуда, остановил свое внимание на принце Брауншвейг-Беверском, сыне сестры императрицы. Его родные – император и императрица, уговорили его согласиться на предложение Левенвольде, и он дал слово прибыть в Россию и поступить в русскую службу».

Принц действительно явился в Северную столицу, был прекрасно встречен Анной Иоанновной, определившей его под начало генерал-фельдмаршала Миниха, участвующего тогда в войне с турками. Русская принцесса Анна Леопольдовна не очень-то жаловала заморского жениха, несколько лет под разными предлогами откладывала свадьбу, однако, наконец призналась обрадованной императрице, что «…она во всем готова слушаться свою тетушку и дает согласие выйти замуж за Брауншвейгского принца».

Таким образом граф Карл Густав Левенвольде вошел в русскую историю как человек, причастный к возникновению в России правящей четы – правительницы Анны Лепольдовны, Антона-Ульриха Брауншвейгского и их малолетнего сына – российского императора Ивана IV Антоновича, правнука русского царя Ивана VI. Правда, этот царственный альянс просуществовал в Российской империи всего один год – с 1740 по 1741. В два часа ночи 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна, дочь Петра I, вместе с гвардейцами ворвалась во дворец, вошла в спальню правительницы при малолетнем

императоре Иване IV, разбудила свою сестру громким возгласом: «Сестрица! Пора вставать!», арестовала ее вместе с супругом, взяла из кроватки плачущего младенца Ивана IV и вынесла его к саням. Родители русского императора умерли в ссылке, а наследника российского престола – законного императора Ивана IV Антоновича навечно заключили в тюрьму.

В 1764 г. его убили при попытке освобождения подпоручиком В.Я. Мировичем из Шлиссельбургской крепости. Граф Левенвольде совершенно случайно узнал о готовящемся заговоре на очередной дружеской пирушке от подвыпивших приятелей, косвенно причастных к государственному перевороту.

Узнав потрясшую его новость, гофмаршал правительницы, несмотря на позднее время поспешил во дворец. Семейство Анны Леопольдовны почивало, и Левенвольде пришлось передать свою тревожную записку дежурной камер-юнгфере, прося как можно быстрее ознакомить правительницу с содержанием его ночного послания. Озадаченная тревожным видом графа камер-юнгфера поспешила в спальню Анны Леопольдовны, разбудила ее и передала ей письмо гофмаршала. Заспанная правительница, ознакомившись с текстом послания, приказала фрейлине: «Спросите графа Левенвольде, не сошел ли он с ума!» – и вновь заснула.

Услышав ответ, граф пришел в отчаяние. Вернулся к себе на Мойку, провел бессонную ночь, а рано утром вновь по-

спешил в Зимний дворец, встретился с Анной Леопольдовной и стал искренне убеждать ее в реальной угрозе дворцового переворота, однако в ответ лишь услышал, что это очередные сплетни, ибо она сама лучше, чем кто-нибудь иной, знает, что никакой грозящей опасности не существует и бояться цесаревны в данное время не следует.

И действительно, для большинства придворных дворцовый переворот оказался неожиданным, поскольку между цесаревной Елизаветой Петровной и правительницей Анной Леопольдовной внешне царило полное дружеское согласие и взаимопонимание. В день рождения цесаревны Анна Леопольдовна в декабре 1740 г. подарила родственнице прекрасный драгоценный браслет, а от лица своего маленького сына – императора Ивана VI вручила родственнице осыпанную драгоценными камнями массивную золотую табакерку с Императорским гербом. Одновременно с этим правительница распорядилась выдать милой сестрице из соляной конторы 40 000 золотых рублей для уплаты ее многочисленных долгов.

Историк Н.И. Костомаров после длительных архивных поисков пришел к выводу, что причиной опасного решения Елизаветы Петровны возглавить государственный переворот стала подковерная дипломатическая игра французского посланника в России де ля Шетарди, неформального руководителя этого дворцового заговора, весьма выгодного для Франции. Французский дипломат явился к цесаревне

Елизавете Петровне и заявил, что якобы приехал предупредить ее об опасности. Из «верных» источников посланник, оказывается, узнал, что в ближайшие дни цесаревну по повелению правительницы собираются упрятать в монастырь. По мнению Шетарди, настала пора решительных упреждающий действий. «В случае неудачи Ваша решимость, – заявил французский посланник, – сохранит Вам расположение друзей, кои отомстят за нее и оставят надежду поправить дело».

После уговоров де ля Шетарди Елизавета Петровна действительно обрела «необходимую решительность» и гневно произнесла: «Если так, если уже ничего делать не остается, мне следует приступить к крайним и последним мерам. Я покажу всему свету, что я – дочь Петра Великого».

Переворот удался на славу. Елизавета, окруженная ликующими гвардейцами, возвращалась к себе в дом на Невском проспекте. Народ торжествовал и толпами бежал за санями. Очевидцы события вспоминали, что «ребенок, которого держала на руках новая императрица, услышав веселые крики, развеселился сам, подпрыгивал на руках своей тетки и махал ручками».

В тот же день в своих домах арестовали Остермана, фельдмаршала Миниха и его сына, Головнина, Мегдена, Темирязева, Стрешневых, принца Людвига Брауншвейгского (брата Антона), графа Лопухина, генерал-майора Альбрехта и, конечно же, камергера графа Левенвольде. Офицеры и солдаты, производившие аресты, по свидетельству очевидцев, об-

ращались со всеми весьма грубо, оскорбляя их, не стесняясь в выражениях. Арестованных вначале доставили в дом Елизаветы Петровны, а затем препроводили в крепость.

Императрица Елизавета Петровна, ставшая капитаном роты Преображенского полка, даровала дворянское достоинство всему составу роты и заверила о своем желании наделить всех 360 человек добротными имениями. Участники переворота также удостоились различных наград – высоких орденов, чинов (статских, военных и придворных). Из ссылки и тюрем указом императрицы в Петербург возвращались опальные дворяне. Им вернули прежние награды, почести и имущество.

После учиненного розыска в Тайной канцелярии всех арестованных признали виновными в государственной измене и осудили на ссылку в Сибирские края.

Графа и канцлера Левенвольде лишили чинов, наград, всего недвижимого имущества и сослали в Соликамск, откуда в 1752 г. перевели в Ярославль, где он и умер. Знавшие графа сохранили о нем неоднозначные характеристики и мнения. Одни изображали его трусливым человеком, коварным и корыстолюбивым, другие же, наоборот, считали графа гордым, смелым, честным и высоконравственным индивидуумом, переносившим свои напасти и лишения с великим стоическим терпением и достоинством. Многие придворные в своем кругу с теплотой и любовью воспоминали графа Левенвольде, лишенного всего, что он имел за свою

долгую службу при дворе трех российских императоров. Его любимый дворец на левом берегу реки Мьи отошел в казну вместе со всем его богатым содержанием – изящной мебелью, редкой коллекцией картин, старинных скульптур, изделиями из золота, платины, серебра и драгоценных камней.

Добрая память о нем со стороны его прежних почитателей и сослуживцев лишь усугубляла строгость его пребывания в местах, определенных для ссылки государственных преступников.

Один из эпизодов доброго отношения к ссыльному Левенвольде вошел в анналы российской истории как «Государственный заговор придворной дамы Натальи Федоровны Лопухиной». Суть дела заключалась в следующем: в северном городе Соликамске находился под охраной на поселении бывший гофмаршал Левенвольде. В качестве начальника военной охраны ссыльных в город на реке Каме направили поручика лейб-кирасирского полка Бергера. Узнавшая об этом придворная дама графиня Наталья Федоровна Лопухина, бывшая некогда близкой приятельницей ссыльного графа, попросила поручика передать ссыльному гофмаршалу, что «он не забыт своими друзьями и не должен терять надежды, ибо не замедлят наступить для него лучшие времена». Курляндец Бергер тотчас же доложил о поручении Лопухиной влиятельному человеку при дворе императрицы Елизаветы Петровны, ее лейб-медику графу Герману Лестоку – главному идеологу недавнего дворцового переворота.

Заявление придворной дамы Н.Ф. Лопухиной о том, что Левенвольде «не должен терять надежды и что не замедлят наступить для него лучшие времена», легло в основу серьезного государственного расследования. Допрос в Тайной канцелярии всех причастных к этому делу лиц проводился весьма жестоко, невзирая на пол обвиняемых, их чины и звания. Всех подозреваемых подвергли пытке на дыбе и иным жестоким истязаниям, используемым для получения доказательств их вины.

Специально учрежденное в Сенате генеральное собрание с участием трех духовных сановников в итоге постановило: «Всех троих Лопухиных колесовать, предварительно вырезавши им языки. Лиц, слышавших и не доносивших, – Машкова, Зыбенко, князя Путятина и жену камергера Софию Лилиенфельд – казнить отсечением головы, некоторых же, менее виновных, – сослать в деревни».

Елизавета Петрова, утверждая приговор, смягчила тяжесть кары, определив главных виновных, – Лопухина и Бестужеву, – высечь кнутом и, урезав языки, сослать в ссылку, других также высечь и сослать, а все их имущество конфисковать. Приговоренная к суровому наказанию супруга камергера София Лилиенфельд оказалась беременной. Императрица распорядилась дать ей время разрешиться от бремени, а уж затем изрядно высечь плетьми и сослать на Север. На просьбе о помиловании Софии Лилиенфельд дочь Петра Великого собственноручно соизволила начертать: «Плутоф

жалеть не для чего, лучше, чтоб и век их не слыхать, нежели еще от них плодов ждать!»

В ходе расследования, под пыткой, Степан Лопухин показал, что посол Венгерского королевства маркиз Ботта якобы говаривал за обедом в доме Лопухиных: «Было бы лучше и покойнее, если бы принцесса Анна Леопольдовна властвовала».

Вмешательство в это дело иностранного посла заставило императрицу поручить своему посланнику Лончинскому «представить венгерской королеве протест о непозволительном поведении ее полномочного представителя в России и просить учинить над ним взыскание». Королева Мария-Терезия вначале защищала маркиза Ботту, но затем в угоду Елизавете Петровне приказала отправить провинившегося дипломата в Грац и держать там под караулом. Правда, спустя год российская императрица сообщила Марии-Терезии, что вполне удовлетворена ее решением и теперь не желает для маркиза Ботты столь строгого наказания.

Казнь российских поклонников графа Левенвольде состоялась на Васильевском острове, вблизи здания Двенадцати коллегий, где в то время размещался Сенат. К десяти часам утра пространство около широкого помоста из свежих сосновых досок заполнилось народом. Осужденных выстроили около помоста, и секретарь Сената приступил к оглашению приговора. Ветер с Невы доносил слова секретаря: «Степан Лопухин и Наталья… забыв страх Божий и не боясь Божьего

суда, решили лишить нас престола… а всему миру известно, что престол перешел к Нам по прямой линии от прародителей наших после смерти Петра II и приняли мы корону в силу духовного завещания матери нашей, по законному наследству и Божьему усмотрению <…> Анна же Бестужева по доброхотству к ней принципам и по злое за брата своего Михайлу Головина, что он в ссылку сослан, забыв про злодейские его дела и наши к ней многие по достоинству мысли…» Секретарь еще долго и занудно перечислял вину осужденных.

Приговоренных в простых телегах отвезли на окраину столицы, где они попрощались со своими родными и близкими перед отъездом в сибирскую ссылку.

После падения влиятельного вельможи графа Левенвольде его усадьбу на левом берегу реки Мойки забрали в казну. В 1743 г. императрица Елизавета Петровна подарила дворец и усадебный участок осужденного своему бывшему фавориту во времена, когда она еще являлась молодой цесаревной, – сержанту гвардии Алексею Яковлевичу Шубину. Еще при дворе Анны Иоанновны распространялись упорные слухи о любовной связи гвардейского сержанта и молодой Елизаветы Петровны. Чтобы прервать подобные разговоры, императрица приказал сослать лихого гвардейца в Сибирь.

После смерти Анны Иоанновны цесаревна Елизавета Петровна стала предпринимать всевозможные меры к розыску и возвращению в столицу своего любимца. Быстро най-

ти опального сержанта гвардии Алексея Шубина тогда не удалось. И лишь по приказу фельдмаршала Миниха предмет первой любви будущей императрицы удалось обнаружить где-то на Камчатке, в 1500 верстах от Санкт-Петербурга.

Пока сержант добирался до столицы, Елизавета Петровна стала российской императрицей. Она встретила Алексея Яковлевича с радушием, но уже в рамках своего нового официального положения. Опальный гвардеец ее именным указом становится майором гвардейского Семеновского полка и генерал-майором по армии. Ему же императрица жалует дворец и усадьбу ссыльного гофмаршала Левенвольде на левом берегу Мойки. Награждает орденом Св. Александра Невского и жалует его имениями в Нижегородской губернии.

Появление в столице А.Я. Шубина, сохранившего прежнюю красоту, но утратившего за годы скитаний на Камчатке светский лоск, с недовольством встретил лейб-медик императрицы граф Лесток, ранее причастный к отправке красавца-сержанта в ссылку. Прошедший тяжкие испытания в годы ссылки, безвинно осужденный гвардеец, опасаясь интриг столичной жизни, благодарит свою покровительницу, отказывается от щедрого подарка на набережной и просит нижайшего позволения уехать в подаренные ему имения в Нижегородской губернии.

В 1749 г. бывший участок графа Рейнгольда Густава Ле-

венвольде переходит во владение гетмана Украины и президента Академии наук Кирилла Григорьевича Разумовского, брата тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны – Алексея Григорьевича Разумовского, многие годы являвшегося влиятельнейшим лицом при дворе русской императрицы. А был он сыном простого казака в украинском селе Лемеши, приписанного к Киевскому казачьему полку. За каждую провинность отец нещадно бил мальчика, и тот убежал от побоев в село Чемеры, где жил у местного дьячка, который обучил его грамоте и пению.

Историк Н.И. Костомаров писал: «Приезжавший полковник Вишневский, по дороге в Венгрию покупать для двора вино, заехал в церковь, услыхал прекрасный голос Алексея и взял с собой в Петербург для придворного хора певчих. Это было в 1730 г. В том же году цесаревна Елизавета, посетивши церковь в Зимнем дворце, упросила обер-гофмейстера Левенвольде уступить Алексея для ее придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексей Разумовский понравился цесаревне. По восшествии своем на престол Елизавета Петровна, по убеждениям духовника своего Дубянского, сочеталась тайно браком с Разумовским в селе Перове, близ Москвы, и вслед за тем осыпала его богатствами и почетом. Из ничтожного казака, до того бедного, что мать его собиралась просить подаяния под окнами, Разумовский по знатности положения своего и богатства стал первым вельможей России…»

Для своего возлюбленного императрица специально построила роскошный Аничков дворец на углу Невской перспективы и реки Фонтанки. Очевидцы тех лет вспоминали, что «из благоволения к Алексею Разумовскому императрица вывела в знать всю близкую родню своего любимца и строго оберегала честь этого возвышенного ею рода. Всяческие слухи, наветы и оскорбительные пересуды в адрес Разумовских оканчивались для их распространителей всегда трагически – застенком в Тайной канцелярии, дыбой, кнутом, плетьми и ссылкой в Сибирь».

Граф Алексей Григорьевич Разумовский

По единодушному мнению современников, фаворит императрицы являлся человеком в высшей степени добропорядочным и прямодушным. Не имея никакого образования,

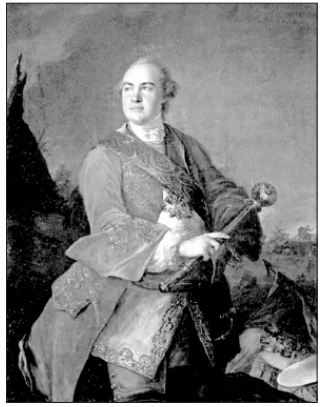
граф обладал широким умом, щедростью и добротой. Правда, в нетрезвом состоянии Алексей Григорьевич часто бывал довольно крут и тяжел на руку Историк М.И. Пыляев приводит тому пример, когда «…графиня М.Е. Шувалова каждый раз служила молебен, когда ее муж, граф Петр Иванович, возвращаясь с охоты, не был бит батожьем от Разумовского под пьяную руку». Подобные случаи побоев представителей старых дворянских фамилий от любимца Елизаветы Петровны на пирушках и застольях подтверждает и английский посланник сэр Вильямс в своих депешах в Англию. Из трепетного благоговения перед своим тайным супругом императрица отправила за границу для обучения и получения основательного образования младшего брата Алексея Григорьевича – Кирилла. По его возвращении из Европы Елизавета Петровна рекомендовала избрать Кирилла первым президентом Академии наук, а позже приказала избрать казацкого сына гетманом в Малороссии. Кирилл Григорьевич Разумовский был единогласно избран президентом Российской академии наук в довольно юном возрасте, тогда ему минуло всего 19 лет. Через год он утверждает новый регламент Академии наук, соединенной тогда с Академией художеств и Университетом. При Университете по его распоряжению учреждалась гимназия, из учеников которой отбирали двадцать человек для Университета, а остальных определяли в Академию художеств. Профессора должны были преподавать бесплатно.

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский стал не только первым президентом Российской академии наук, но и прослужил в этой должности в течение 52 лет.

Перед началом строительства его дворцового комплекса на Мойке (№ 48) в газете «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали следующее объявление: «Графа К.Г. Разумовского деревянный дом на каменном фундаменте желающим разобрать, перевезти и поставить на Крестовском острову… явиться могут в домовой канцелярии». Деревянный дворец Левенвольде разобрали, и в 1762 г. архитектор А.Ф. Кокоринов приступил к строительству нового каменного здания. Работу по возведению дворца для графа К.Г. Разумовского на левом берегу реки Мойки, рядом со Строгановским дворцом, завершил к 1766 г. зодчий Ж.Б. Валлен-Деламот. На территории обширной усадьбы до наших дней сохранился участок сада. Со стороны Казанской улицы его по-прежнему ограждает уникальная чугунная решетка, возведенная по проекту А.Н. Воронихина.

Дворец графа К.Г. Разумовского относится к немногим сохранившимся в нашем городе образцам городского обширного усадебного надела с регулярным садом и главным зданием в глубине участка. Его парадный двор отделяла от проезжей части набережной реки Мойки высокая каменная ограда с коваными металлическими воротами в центре. Зодчие оригинально выполнили архитектурное решение конструкции парадных дворцовых ворот, расчленив фасад

ограды и самих ворот красивыми ионическими колоннами. Над средней широкой проезжей частью балочное перекрытие (антаблемент) лишен главной балки (архитрава) и изогнут в полуциркульную дугу.



Граф Кирилл Григорьевич Разумовский

Архитектор Александр Филиппович Кокоринов

Считается, что дворец графа К.Г. Разумовского является одной из лучших построек отечественной архитектуры периода 1760-х гг. Даже несмотря на частичные перестройки XIX столетия, не исчезло его сходство с подобными царскими загородными резиденциями. Для облика здания характерен доминирующий в композиции центральный массив и строго симметричное построение всего дворцового ансамбля, включающего основное дворцовое строение и флигели.

Ансамбль дворца строго симметричен, его центральная фасадная часть выделена ризалитом с аркадой первого цокольного этажа и колоннадой из шести коринфских колонн, объединяющей второй и третий этажи. Разнофигурные окна второго и третьего этажей центральной части фасада укра-

шены наличниками и лепкой. Декоративную колоннаду из шести коринфских колонн венчают антаблемент и высокий ступенчатый аттик с тонко прорисованным лепным декором.

Удачно оформление садового фасада с выступающими боковыми ризалитами, стройной колоннадой из четырех коринфских колонн в центре, с лепными украшениями, повторяющими мотивы оформления главного фасада дворцового здания. К главному, центральному корпусу примыкали каменные симметричные корпуса.

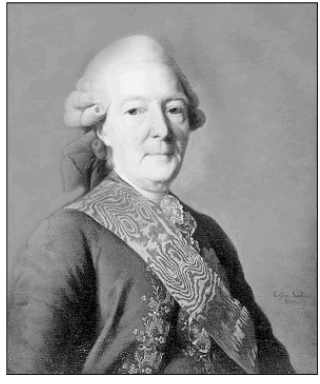
Приусадебная территория была благоустроена и в основном сохранена в том облике, когда ею владел граф Левенвольде. По распоряжению нового владельца на участке разбили два сада – яблоневый и липовый. Кирилл Григорьевич регулярно выписывал из-за границы самые необычные, экзотические растения и всегда охотно делился ими с горожанами, любителями заморских цветов.

Дворец Разумовского за время его существования многократно перестраивался, но главным образом изнутри. Его внешний облик довольно хорошо сохранился до сих пор без особых изменений. Подобного сегодня нельзя сказать о внутренней отделке дворца, она, по сути, не сохранилась, если не считать потускневшую обработку перекрытия парадной дворцовой лестницы, украшенной некогда лепниной с двуглавыми орлами и крылатыми мальчиками – путти, излюбленным декоративным мотивом в искусстве итальянского Возрождения.

Содержание дворцового комплекса обходилось графу К.Г. Разумовскому в 52 000 рублей в год. Дворец и сад обслуживал довольно большой штат прислуги – около 300 человек. Дворец Разумовского в Северной столице славился своими роскошными балами и маскарадами. В праздничные дни Кирилл Григорьевич обязательно устраивал раздачу подарков и милостыни малоимущим и нищим. В дни подобных богоугодных мероприятий графа Разумовского набережную Мойки у его дворца обычно с раннего утра заполняла многотысячная толпа.

В 1781 г. Кирилл Григорьевич продает свой дворец польскому графу К.П. Бранницкому и покидает Санкт-Петербург. Новый владелец дворца прожил в нем восемь лет, а затем уехал на родину, продав дворцовый комплекс в казну за 450 000 рублей.

Выкупленный у Бранницкого дворец Указом Павла I от 2 мая 1798 г. передали Воспитательному дому, созданному в Петербурге еще по повелению его матушки – императрицы Екатерины II и размещавшемуся первоначально в Смольном монастыре. Патронат над ним осуществляла супруга Павла Петровича, а руководителем и организатором богоугодного заведения становится граф Иван Иванович Бецкой – талантливый человек, вошедший в историю российского государства своими замечательными делами и трудами на ниве народного образования и воспитания молодежи в век «просвещенного абсолютизма».



Граф Иван Иванович Бецкой

По его инициативе в Петербурге открывались новые учебные заведения, работавшие по программам И.И. Бецкого и его конкретным рекомендациям. Талантливый педагог и методист, он стал первым инициатором женского образования в России. В конце его жизни – уже как президента Академии художеств и главы Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга – в столице существовали многочисленные учебные заведения, воспитательные дома и реформированные кадетские корпуса, созданные по инициативе И.И. Бецкого.

Иван Иванович Бецкой – внебрачный сын князя, генерал-фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого (тот был в плену у шведов) и шведской баронессы. От отца ребенок унаследовал сокращенную, без первого слога княжескую фа-

милию. Юный Иван Бецкой воспитывался в Стокгольме матерью – баронессой, аристократкой, служил в датском кавалерийском полку, успешно продвигался по ступеням должностной офицерской лестницы. Однако травма, полученная от падения с лошади на очередных кавалерийских учениях, вынудила сына русского князя оставить военную службу.

В 1727 г. Иван Иванович Бецкой приезжает в Россию к отцу и по протекции фельдмаршала поступает на службу в Коллегию иностранных дел. Благодаря высокому положению отца при Императорском дворце, Бецкой вскоре становится приближенным к свите русской императрицы Елизаветы Петровны. И все-таки недоброжелательное отношение к нему придворных, и дворцовые интриги со стороны канцлера А.П. Бестужева заставляют Ивана Ивановича не только выйти в отставку, но и в 1774 г. даже надолго покинуть Россию. В течение пятнадцати лет он прожил во Франции, изучая мировые творения искусства великих художников и писателей.

В Париже Бецкой близко познакомился с известными европейскими просветителями и учеными – философом-материалистом Дени Дидро, основателем и редактором «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел»; французским писателем и философом Жан-Жаком Руссо, с основоположниками немецкой филологии братьями Якобом и Вильгельмом Гримм.

По возвращении в Россию И.И. Бецкой подготовил разра-

ботанный им в деталях проект реформы народного образования в Империи, утвержденный Екатериной II. Основой реформы по разумению ее автора считалось, что «самые мудрые законы без добрых нравов не сделают государство счастливым и что нравы должны быть впечатлеваемы на заре жизни». В своей программе Бецкой перечислил добродетели, которые следовало обязательно прививать детям: веру в Бога, благонравие, дружелюбие, бережливость, опрятность, терпение и т. п. Он рекомендовал поощрять детскую резвость, живость и тягу к забавам и играм, считая, что это и «есть главное средство к умножению здоровья и укреплению телесного сложения». Им была разработана прекрасная система игр и заданий, чтобы «упражнять детей в различных мастерствах и рукоделиях».

Император Петр III не только вызволил политического беженца из невольной зарубежной ссылки, но своим именным указом назначил Ивана Ивановича Бецкого главным директором Канцелярии строений и домов его величества. После государственного переворота 28 июня 1762 г. и воцарения на троне Екатерины II Иван Иванович вновь становится приближенным ко двору новой императрицы. Столь быстрый и высокий карьерный взлет Бецкого служит поводом для появления в высших аристократических кругах столицы самых невероятных слухов, сплетен и предположений. На свое счастье или, может быть, беду, Иван Иванович оказался довольно близким знакомым матери новой русской императрицы,

да к тому же многие отмечали разительное внешнее сходство Бецкого с Екатериной Алексеевной. В салонах Петербурга пошли невероятные пересуды об истинном отце новой императрицы, которая своим указом 3 марта 1763 г. назначила действительного тайного советника И.И. Бецкого управляющим Академией художеств.

Однако Бецкой, в отличие от фаворитов императрицы, не воспользовался ее доброжелательным отношением к своей персоне. Он не встревал в государственные дела и политические проблемы, а занимался важными социальными делами, проблемами совершенствования учебного образования и воспитания молодежи, совмещая эту ответственную деятельность с работой руководителя «Канцелярии строений и домов».

По распоряжению Екатерины II, Бецкой в 1768 г. назначается главным руководителем работ по перестройке и отделке Зимнего дворца. В том же году, 15 мая, императрица «изустно повелела» И.И. Бецкому: «На площади, между Невой, Адмиралтейством и домом Правительствующего сената, во славу блаженные памяти императора Петра Великого поставить монумент».

Идея о постановке памятника Петру I у императрицы зародилась еще в 1765 г., когда она приказала русскому посланнику в Париже, князю Голицыну, найти для этого опытного и талантливого ваятеля. Им оказался французский скульптор Этьен Морис Фальконе, создавший в 1766–

1778 гг. монумент Петру I («Медный всадник»).

Этой работой И.И. Бецкой добросовестно руководил от периода изыскания годного для постамента камня в Лахте, доставки его в столицу, отливки бронзового монумента и до церемониала открытия памятника на столичной площади 7 августа 1782 г.

Ему также пришлось руководить работами по отделке набережных Невы и столичных каналов гранитом, установке знаменитой уникальной решетки Летнего сада. Руководя Академией художеств, он открыл при ней воспитательное училище. По инициативе И.И. Бецкого в 1764 г. указом Екатерины II в Петербурге создается первое в России специальное женское учебное заведение (Императорское воспитательное общество благородных девиц – Смольный институт).

В 1765 г. указом императрицы И.И. Бецкой назначается шефом Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В 1773 г. по его инициативе на средства богатого заводчика и крупного землевладельца Прокопия Демидова в Петербурге учредили Воспитательное коммерческое училище для купеческих детей.

При поддержке своей покровительницы Екатерины II Бецкой открывает в Петербурге и частично финансирует из своих средств Воспитательный дом, а при нем учреждает вдовью и сохранную казну в основе которой находились его личные сбережения и деньги богатых столичных предприни-

мателей.

Екатерина II, считавшая себя инициатором в проведении российской образовательной реформы, вначале не только покровительствовала Бецкому в его работе по открытию в столице новых воспитательных учебных заведений и детских приютов, но и щедро финансировала его идеи и планы в этом направлении. Однако затем под влиянием доносов противников своего любимца внезапно охладела к его бурной деятельности и ограничила денежную помощь на реализацию задуманных им планов и дел. Теперь при всяких удобных случаях она могла даже с раздражением заявлять своим приближенным, что «Бецкой присвояет себе славу государскую», иначе говоря, приписывает себе заслуги императрицы в проведении ею воспитательной российской реформы.

После передачи дворца Разумовского Воспитательному дому, а позже Николаевскому женскому сиротскому институту здание неоднократно перестраивалось внутри и приспосабливалось к специфическим условиям работы размещенных в нем учреждений. Наиболее существенная перепланировка состоялась в 1798–1799 гг. В этот период произвели реконструкцию большинства дворцовых помещений и переделку значительной части его роскошных интерьеров. Одновременно с этим интенсивно перестраивались флигели, симметрично построенные по обеим сторонам парадного двора.

В 1829–1834 гг. к зданию бывшего дворца пристроили домовую церковь и двухэтажный лазаретный корпус. В 1842–

1844 гг. лазаретный корпус надстроили третьим этажом. Возведенное в глубине участка здание бывшей Покровской церкви соединили переходом с главным дворцовым корпусом. Храм построили в 1843 г. по проекту архитектора Джакомо Квадри. Нижний этаж церкви предназначался для Трапезной, а два верхних этажа занимали священнослужители и храмовые помещения.

В Воспитательный дом принимались «безродные» младенцы, сироты-подкидыши, дети-инвалиды в возрасте до десяти месяцев. Поступление ребенка в Воспитательный дом проходило весьма оригинально, без бюрократических процедур и опросных листов. Человек, принесший ребенка, обычно звонил в дверной колокольчик, дверь в прихожую открывалась, после чего сверху на веревке спускалась корзина, в нее принесший укладывал ребенка и уходил. Корзина же поднималась в приемный покой Воспитательного дома. Нередко процедура заменялась банальной передачей ребенка дежурному швейцару у дверей.

Ежегодно в Воспитательной дом поступало от трех до восьми тысяч детей. Для выкармливания младенцев администрация Воспитательного дома постоянно нанимала более девяти тысяч кормилиц. После девятимесячного периода ребенка отдавали в добропорядочное семейство, но при этом продолжали наблюдать за его содержанием, воспитанием и здоровьем вплоть до его женитьбы или замужества. Указом императора, финансирование Воспитательного дома произ-

водилось либо за счет дохода столичных театров, перечисляющих администрации 10 % своей прибыли от каждого спектакля, либо отчислений части денежных доходов от продажи игральных карт.

Прекрасный лазарет, открытый при Воспитательном доме, принимал неимущих рожениц. Приходящих туда рожать женщин не спрашивали, кто они, откуда прибыли, кто отец ребенка. Появившийся же на свет младенец становился воспитанником этого учреждения и приобретал статус свободного гражданина России. Всех приходящих беременных женщин принимали круглосуточно, отводили в родильный зал к опытным повивальным бабкам, коим строго воспрещалось расспрашивать рожениц, кто они и откуда. В случаях, если роженица не хотела, чтобы ее запомнили в лицо, то им дозволялось рожать в черных масках. Кроме повивальных бабок, в госпитале Воспитательного дома работало шесть дипломированных опытных лекарей-акушеров.

Руководитель столичного Воспитательного дома граф И.И. Бецкой каждый год регистрировал увеличение числа «безродных» младенцев, приносимых разными лицами в приемное отделение. Проанализировав возможные причины подобного «поветрия», добрейший Иван Иванович в очередном правительственном рапорте на имя патронессы организации, императрицы Марии Федоровны, вынужден был указать две основные причины подобного роста. Первая из них относилась к младенцам, родившимся в семьях крепостных

родителей, которые оставляли своих детей в Воспитательном доме, ради того чтобы они обрели свободу. Попавший сюда ребенок терял родителей, но получал статус свободного российского гражданина. Вторая же группа рожденных в Воспитательном доме младенцев и подкинутых к его дверям относилась к родителям свободных законнорожденных детей и отчужденных от родительского попечения, семейного быта не по причине крепостной зависимости или нищеты, а для того чтобы этим поступком вывести своих детей из сословия, к которому они принадлежали, и предоставить им таким образом возможность продвинуться по гражданской службе выше своего первоначального состояния. Все знали, что дети-подкидыши, отдаваемые в семьи, могли найти в будущем реальную поддержку своих высоких патронов по Воспитательному дому, в котором, между прочим, практиковалась возможность некоторым наиболее способным воспитанникам завершить образование в столичных гимназиях или иных учебных перспективных заведениях. Правда, внезапно, в декабре 1837 г., правительство императора Николая I категорически запретило принимать питомцев Воспитательного дома не только в гимназии, но и в учебные заведения более низкого уровня.

Со временем в столице, на левом берегу реки Мойки, формируется довольно солидный комплекс корпусов петербургского Воспитательного дома. Кроме дворца Разумовского (дом № 48) в него включается дом № 50, купленный

некогда казной у богатого столичного купца, поставщика Императорского двора Г.Х. Штегельмана, построившего в конце XVIII столетия на левом берегу Мойки двухэтажный особняк по проекту архитектора Растрелли. Наконец, третий особняк под № 52, так же как и дом Штегельмана, был возведен на рубеже XVIII–XIX столетий для богатого фабриканта Битерпажа.

Дворец Штегельмана, набережная реки Мойки, 50

Сегодня старинная усадебная постройка Г.Х. Штегельмана, расположенная в глубине парадного двора, смотрится довольно импозантно и внушительно. В глаза бросаются три

солидных ризалита, причем средний выступ здания по существу является удобным подъездом к главному входу старинного особняка. Подобную солидную внешность дом приобрел после его продажи первым хозяином и его перестройки новым владельцем в стиле модного раннего классицизма. На его старом фасаде появляются украшения в виде лепных барельефов (античных ваз). Его первый хозяин – поставщик Императорского двора, являлся хорошим приятелем придворного зодчего Ф.Б. Растрелли, и тот, по-дружески «разрываясь» между заказами царского двора и строительством дворцового особняка графа А.Г. Строганова, проектирует в 1750-х гг. для Г.Х. Штегельмана прекрасный дом в своем любимом стиле русского барокко. Отечественные архитекторы тогда поражались (и удивляются до сих пор) не только великому таланту мэтра архитектуры, но и его неистощимой энергии и работоспособности. Зодчий в те годы почти одновременно завершил постройку Строгановского дворца и усадебного дома Штегельмана.

В ноябре 1763 г. владелец барочного каменного особняка Г.Х. Штегельман скончался. После его смерти в популярной столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости» с некоторым временным перерывом появилось два объявления. Одно о смерти именитого петербургского купца, дне и месте его захоронения, а другое о продаже купеческого особняка на набережной реки Мойки, 50. Особняк продавала вдова поставщика императорского двора: «Бывшего при-

дворного фактора (руководителя торговой конторой. – *Г. З.*) Штегельмана жена, вдова, продает каменный дом, состоящий на Мье реке, со всеми службами и с садом, в коем каменные оранжереи с разными фруктами и притом пруд с рыбою; желающие оный дом купить, о цене договориться могут с оною г. Штегельманшою».

Покупательницей особняка придворного «фактора» оказалась сама российская императрица Екатерина Великая. Особняк вошел в список казенных дворцовых зданий и был отведен под временное жилье (Мраморный дворец еще не построили) графу Григорию Григорьевичу Орлову, фавориту Екатерины II, одному из организаторов государственного переворота 1762 г.

Перед переездом Г.Г. Орлова в усадебный особняк на Мойке в нем сделали косметический ремонт, перепланировку некоторых жилых помещений и покраску фасада здания. Поселившись на Мойке, фаворит прославился роскошными балами, маскарадами и богатыми пирами, на которых присутствовала императрица и высшая столичная знать. Историки отмечали, что «людям той эпохи свойственна была детская непосредственность, и невольно поражаешься, читая, как престарелые вельможи в лентах и орденах могли весело играть в горелки или прыгать на одной ножке, а после этого важно шествовать в Сенат заниматься государственными делами».

Как и императрица Елизавета Петровна, Екатерина II лю-

била маскарады, дававшие ей возможность переодеваться в мужской костюм. Императрица охотно посещала такие праздники. В Камер-фурьерском журнале сохранились множественные записи о посещении Екатериной II балов, маскарадов и застолий в доме графа Г.Г. Орлова на набережной реки Мойки: «27 декабря 1765 года. Вчерась ввечеру Ее Величество изволила быть у графа Григория Григорьевича Орлова в Штегельманском доме, что на Мойке, там, как сказывают, компания была человек около шестидесяти. Ее Величество возвратиться изволила в час по полуночи. Ужин там был, танцы, песни, пляски и святошные игры. Гости часа в четыре по полуночи разъехались».

В августе 1780 г. граф Г.Г. Орлов из особняка на Мойке переехал в Мраморный дворец. Все те же «Санкт-Петербургские ведомости» сразу же опубликовали объявление дворцовой конторы, обращенное к строительным подрядчикам, «желающим исправить нынешнем временем в Штегельмановом доме, состоящем в ведомстве конторы строения домов и садов, в главном корпусе и флигеле разные работы».

Осенью 1780 г. Императорская контора строений приступила к серьезной перестройке особняка Штегельмана. Считают, что весь комплекс перестроечных работ проводился под личным контролем бессменного директора конторы архитектора Ю.М. Фельтена.

Очередным обитателем ведомственного особняка после окончания капитальных ремонтных работ в здании оказался

граф Фридрих Ангальт, приглашенный на службу в Россию Екатериной II, поручившей ему пост директора Сухопутного кадетского корпуса. Граф Ф.Е. Ангальт посвятил себя воспитанию будущих офицеров. Приступив к работе в 1783 г., Федор Евстафьевич вплоть до своей смерти в 1794 г. отдавал все свои знания и опыт заботам о своих подопечных. Расходуя собственные средства, граф укомплектовал корпусную библиотеку, организовал новейшие учебные кабинеты, значительно повысил эффективность работы по овладению кадетами военными практическими навыками, укреплению их физического здоровья и рациональному режиму в свободное от занятий время. Кадеты искренне уважали и любили своего патрона.

Директора Сухопутного кадетского корпуса люто ненавидел Г.А. Потемкин, обвиняя старого вояку во всех смертных грехах. Князь неоднократно жаловался императрице, требуя его отставки и замены генерал-майором Паленом. Однако Екатерина II не сочла целесообразным удовлетворить просьбу светлейшего князя Г.А. Потемкина и оставила Ангальта на посту директора корпуса.

20 мая 1794 г. граф Фридрих Ангальт скончался. Опустевший после его смерти особняк на набережной реки Мойки (граф не имел семьи) перешел к новому, весьма необычному постояльцу. В огромный усадебный дом перевели из каземата Петропавловской крепости руководителя польских повстанцев Тадеуша Костюшко, взятого в плен после подав-

ления народного мятежа.

Переезд для мятежного поляка организовала Екатерина Великая, 19 сентября 1795 г. она известила своего хорошего знакомого барона Гримма, рассказывая в письме о Костюшко: «Он все хворает, поэтому я и поместила его в доме Штегельмана, где прежде жил покойный граф Ангальт; при доме небольшой садик, и там он может гулять. Он кроток, как овечка…»

Арестованному предоставили несколько комнат в первом этаже. Польский мятежник жил там под охраной пехотного майора, составлявшего ему компанию за обеденным столом и во время прогулок в саду. Костюшко много читал, рисовал и освоил токарные работы по дереву.

Из русского плена Тадеуша Костюшко освободил император Павел I. Павел Петрович потребовал одного – честного солдатского слова не воевать больше против России, щедро одарил поляка и позволил уехать в Америку.

Федор Астафьевич Ангальт

Особняк же на набережной реки Мойки, 50, Павел I милостиво пожаловал графу А.Г. Бобринскому, а уж тот через несколько месяцев передал пожалованный ему земельный участок на Мойке и старый дом под Опекунский совет петербургского Воспитательного дома.

Откупленные особняки на набережной Мойки (дома № 50 и № 52) по распоряжению директора Императорской конторы строений архитектора Ю.М. Фельтена перестроили для различных служб Воспитательного дома по проектам зодчего П.С. Павлова, в традициях позднего русского классицизма. При этом центр дома № 52 украсили портиком из шести ионических колонн. Под треугольным фронтоном здания прикрепили барельеф с изображением эмблемы Воспитательного дома на воротах со стороны набережной ре-

ки Мойки – пеликан, кормящий пятерых птенцов. Издавна изображение пеликана, кормящего своим телом голодных детенышей, стало традиционным символом европейских монастырских приютов для сирот. Существующая легенда гласит, что пеликан – единственное из существ в животном мире, которое якобы разрывает свое тело, чтобы накормить умирающих от голода птенцов. А когда силы покидают пеликана, птица рвет свое сердце, чтобы голодные птенцы насытились его кровью… Распространение этой легенды по всему миру породило всюду оригинальную традицию изображать пеликана на эмблемах детских больниц и сиротских приютов как своеобразного символа самоотверженной родительской любви и заботы о потомстве.

В 1868 г. перед домом № 52 на набережной реки Мойки торжественно установили памятник И.И. Бецкому с выбитой на его пьедестале надписью: «Иван Иванович Бецкой, по мысли которого основан Екатериною Великою Воспитательный дом в 1770 году». Бюст для памятника скопировал (в увеличенном виде) скульптор Н.А. Лаверецкий с мраморного бюста работы Я.И. Земельчака (1803 г.). Высота бюста – 1 м, высота постамента – 1,9 м.

Пусть читателя не удивляет более ранняя дата основания Богоугодного заведения. Первый Воспитательный дом действительно организовали и открыли в столице в 1770 г. Но тогда он находился не на Мойке, а в стенах Смольного монастыря. Позже его перевели в бывший дворец сестры Петра

Великого – цесаревны Натальи на Шпалерную улицу, а затем он уже окончательно расположился (в 1798 г.) в перестроенном дворце Разумовского на левом берегу реки Мойки.

В 1837 г. Воспитательный дом преобразовали в Сиротский женский институт, с 1885 г. именовавшийся Сиротским институтом Николая I. Он предназначался для дочерей чиновников военной и гражданской службы – круглых сирот и полусирот всех вероисповеданий. В своем составе учебно-воспитательное учреждение имело школу для подготовки нянь, фельдшерское училище, специальное отделение, выпускающее квалифицированных домашних учительниц и педагогов сельских школ, а также преподавателей гимнастики, танцев, музыки и даже французского языка. При всем этом Николаевский сиротский институт впервые в России организовал учебное отделение для глухих, возглавляемое в 1880-х гг. основателем отечественной школы сурдопедагогики А.Ф. Остроградским.

Круглые сироты содержались на казенный счет, а за содержание полусирот вносилась плата – 300 рублей в год. Девочки получали здесь образование по программе средних женских учебных заведений. Им прививали необходимые практические жизненные навыки, обучали различным полезным ремеслам и конкретным профессиям. Обычно воспитанницы старшего, практического класса допускались к преподаванию в младших классах института. Позже для особо одаренных девушек при институте открыли музыкальное учеб-

ное отделение.

В период с 1829 по 1834 г. здание дворца Разумовского и домов по набережной Мойки № 50 и № 52 вновь капитально перестраивают внутри. Перепланировку помещений проводят уже с учетом специфики и нужд Сиротского института императора Николая I.

В 1881 г. в Петербурге было создано товарищество «Электротехник», предложившее городским властям на свои средства организовать освещение Невского проспекта и ближайших к нему зданий. Городская дума приняла это предложение, несмотря на протесты хозяев керосиновых и газовых компаний, заключивших ранее долгосрочные договоры на освещение столичных улиц газом и керосиновыми фонарями.

Товариществу тогда даже выделили конкретное место возле Казанского собора для строительства электростанции. Однако против электричества неожиданно выступило духовенство, посчитавшее, что это новшество противно Богу. Вето святого Синода категорически запретило возведение электростанции вблизи Казанского собора. Однако энтузиасты товарищества «Электротехник» во главе с инженером А.А. Троицким и будущим изобретателем радио А.С. Поповым заявили тогда: «Не даете участка на земле, построим сооружение на воде, на Мойке».

Менее чем за три месяца тогда смонтировали электростанцию на речной барже, стоящей неподалеку от Зеленого

(Полицейского) моста напротив Сиротского института. Первая петербургская электростанция на барже, мощностью 95 киловатт постоянного тока 30 декабря 1883 г. впервые дала электроток фонарям Невского проспекта, осветила помещения его магазинов, Благородного собрания, Городской думы и здания Сиротского института имени императора Николая I.

В 1903 г. на базе Сиротского института по решению руководства Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны организуется первое в России учебное педагогическое учреждение – Императорский женский педагогический институт.

После Октябрьского переворота 1917 г. на обширном земельном участке, занимаемом ранее зданиями столичного Воспитательного дома, Сиротским институтом имени императора Николая I и Императорским женским институтом (дома №№ 48, 50, 52 и 54) постепенно формируется огромный учебный комплекс сооружений, занимаемый сегодня Государственным педагогическим университетом имени А.И. Герцена. История возникновения этого первого советского высшего учебного заведения, как показали исследования историка Р.Н. Яковченко, оказывается тесным образом связана не только с комплексом старинных зданий на набережной Мойки, но и с улицей Гороховой. И действительно, газета «Петроградская правда» в ноябре 1918 г. опубликовала государственное постановление, известившее пет-

роградцев: «В Петрограде учреждается Высший педагогический институт под названием „Третий пед. Институт“, пользующийся всеми правами, полномочиями и преимуществами учебных заведений».

Новое высшее учебное заведение назвали «Третьим», поскольку существовавшие до революционных событий Женский педагогический институт и Учительский институт почти одновременно с «Третьим» петроградским вузом соответственно переименовали в «Первый» и «Второй» педагогические институты города на Неве.

Торжественное открытие первого советского педагогического института состоялось 17 ноября 1918 г. в 12 часов в помещении упраздненных учебных курсов Раева, размещенных ранее на Гороховой улице в доме № 20. Гороховую улицу переименовали в 1918 г. в Комиссаровскую, а позже в 1927 г. – в улицу Дзержинского. Новый педагогический вуз на Комиссаровской, 20, открыли при непосредственном содействии и участии советского государственного и партийного деятеля, наркома просвещения А.В. Луначарского и писателя А.М. Горького.

Приехавший из Москвы на торжественное открытие этого института нарком А.В. Луначарский обратился к студентам и преподавателям Третьего педагогического института с добрыми напутствиями: «Нет человека счастливее, чем учитель, потому что он является мастером, который лепит гибкую человеческую глину и придает ей форму более совер-

шенную, чем та, которую отлили обстоятельства…»

Позднее на набережной реки Мойки, 40, в честь этого памятного события – основания Педагогического института – установили мемориальную доску с текстом государственного декрета: «Декрет. В Петрограде учреждается высший педагогический институт под названием „Третий педагогический институт“, пользующийся всеми правами высших учебных заведений. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский. Торжественное открытие состоялось 17 ноября 1918 года». Текст государственного декрета выгравировали на металлической пластине.

В год открытия нового вуза его помещения не отапливались, случались регулярные перебои с освещением. Студентки и преподаватели: будущие академики В.В. Струве, Е.В. Тарле, Б.Д. Греков, В.Л. Комаров, Ю.М. Шокальский, А.Е. Ферсман, О.Д. Хвольсон и другие – не раздевались в аудиториях, сидели в пальто и шубах. Шефом этого института многие годы оставался А.М. Горький, пытавшийся помочь дирекции вуза наладить его работу. В день 50-летнего юбилея писателя его избрали почетным членом Ученого совета института.

Первоначально «Третий» педагогический институт на бывшей Гороховой улице в доме № 20 располагал тремя факультетами: гуманитарным (со своими отделениями – словесным и историческим), физико-математическим и естествознания. Через год в нем дополнительно организовали

факультет иностранных языков. Институт сразу же занял лидирующую позицию в развитии школьного дела. Его 60 талантливых преподавателей не только создавали оригинальные учебные программы для школ, новые учебники и учебные пособия, но и стали руководителями повышения квалификации первых советских педагогов.

В фондах музея истории нынешнего Педагогического университета им. А.И. Герцена бережно хранятся уникальные исторические документы, среди которых особое место занимают мемуары и дневниковые записи преподавателей и питомцев этого вуза. Целый ряд воспоминаний неожиданно объединяет, казалось бы, совершенно неожиданная и весьма далекая для будущих педагогов тема – авиация.

В 1920-е гг. Герценовский педагогический институт активно шефствовал над эскадрильей, где служил будущий знаменитый летчик Валерий Павлович Чкалов. По окончании Московской школы высшего пилотажа, а затем Серпуховской школы воздушной стрельбы и бомбометания в июле 1924 г. В.П. Чкалова направили в ленинградскую Первую Краснознаменную эскадрилью, сформированную из бывшего отряда летчика П.Н. Нестерова. В этом соединении В.П. Чкалов прослужил 4 года, после чего в 1929-1930-х гг. выполнял обязанности летчика-инструктора Ленинградского отделения Осоавиахима.

Тема авиации стала главной в воспоминаниях выпускницы педагогического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена

1925 г.

Ольги Ореховой – жены В.П. Чкалова. Шефство над ленинградской эскадрильей познакомило и связало студентку Педагогического института и отважного летчика.

Ольга Эразмовна вспоминала: «Мы, студенты Герценовского педагогического института, проводили среди красноармейцев культурно-просветительную работу». На одном из концертов для летного состава студентка заметила, как во время ее сольного выступления дверь в зал приоткрылась и в него осторожно вошел коренастый, крепко сложенный летчик, привлеченный ее пением. Дальше совершенно разные по характеру и по выбранной каждым из них профессии люди больше не разлучались.

Их семейная жизнь началась в феврале 1927 г., когда В.П. Чкалов переехал в семью Ореховых на Теряевскую улицу Петроградской стороны.

В фонде исторического музея Герценовского университета сегодня хранятся книги О.Э. Ореховой-Чкаловой, в которых рассказывается о Чкалове – летчике и человеке.

В 1954 г. к Педагогическому институту им. А.И. Герцена присоединили «Второй» институт иностранных языков, а через три года – в 1957 г. – в него влился Педагогический институт им. М.Н. Покровского. Число студентов увеличилось вдвое. Учитывая сложившуюся ситуацию, решением Ленинградского исполкома Педагогическому институту им. А.И. Герцена передали угловой дом № 54/18 по набережной ре-

ки Мойки и улице Дзержинского (ныне – Гороховой). В нем разместили два факультета института – русского языка и литературы и исторический.

Последний в этом ряду угловой дом на набережной Мойки и Гороховой улице завершал комплекс учебных корпусов будущего Петербургского педагогического университета. Напомню, что земельный участок с капитальными каменным зданием ранее откупила казна, чтобы в 1818 г. разместить в его стенах первое отечественное Училище для глухонемых детей.

В этом специфическом учебном заведении обучались сто мальчиков и 50 девочек. Им преподавался курс основ русского языка, арифметики, истории и географии. В училище имелись прекрасные для тех лет производственные мастерские, позволявшие привить детям навыки в освоении разнообразных ремесел.

Памятник К.Д. Ушинскому

До 1918 г. в этом учебном заведении существовали два разных отделения. В первом из них обучались дети из «благородных» семей, а второе комплектовалось «простолюдинами». Для каждого из двух отделений разрабатывалась отдельная учебная реабилитационная программа, были различными повседневная форменная одежда и питание.

30 июня 1961 г. в парадном дворе педагогического вуза открыли памятник выдающемуся педагогу Константину Дмитриевичу Ушинскому (1824–1871). Бронзовая фигура, выполненная по модели скульптора В.В. Лишева, установлена на постамент с цоколем и базой из серого гранита, спроектирована архитектором В.И. Яковлевым. Высота фигуры – 3,5 м, высота постамента – 2 м.

За заслуги в подготовке кадров институт в 1966 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1991 г. удостаивается нового статуса – Государственного университета.

Огромную работу по оказанию шефской помощи Красной армии и в подготовке молодежи к воинской службе выполняла кафедра военной подготовки Герценовского института, созданная в 1926 г. На этой кафедре с 1936 г. студентов обучали профессии военных летчиков-наблюдателей (летнабов) и авиационных штурманов. В те годы отделение военно-воздушной подготовки в институте возглавлял майор Платон Сергеевич Сергеев, бывший прапорщик летного подразделения Императорской армии. После окончания Великой Отечественной войны П.С. Сергеев преподавал тактику ВВС в Военно-воздушной академии.

Среди сотрудников кафедры в 1920-х гг. выделялась фигура лаборанта Бориса Петровича Лазарева, потомственного дворянина, выпускника Пажеского корпуса и Академии генштаба, дослужившегося в 1916 г. до чина генерал-майора, имевшего большое количество боевых наград, включая «Золотое оружие» за храбрость. После революционных событий 1917 г. был командующим Закаспийской армией и комендантом Константинопольского гарнизона, но по личному вызову М.В. Фрунзе в 1924 г. вернулся в Россию. Он являлся близким другом Н.П. Нестерова и летал с ним в одном боевом экипаже.

Сегодня в историческом архиве Педагогического универ-

ситета им. А.И. Герцена сохранился текст марша студентов отделения военно-воздушной подготовки тех далеких лет, он полон юношеского романтизма, любви к Родине и невероятной жажды подвига:

Распластаны крылья в петлице
И звезды над парою глаз.
Мы сами – разумные птицы,
И крылья с рожденья у нас.

Мы словом деремся на суше,
А бомбой гремим в небесах.
Никто наш порыв не потушит,
Никто не заронит в нас страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.